

A stylized, painterly illustration in a pastel color palette. At the top, there are green leaves and ferns. In the center, a light brown rectangular block contains the title. Below this, a white animal skull is positioned between two translucent blue glass bottles. The bottle on the left has a stopper with a blue gem, while the one on the right has a cork. The overall style is soft and artistic.

ЗАПАХ ДОМА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Эйч

Запах дома

<https://litres.ru/74504957>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как долго я ещё смогу протянуть в одиночестве? Не помню ни одной ночи, когда не спал в полглаза...

Я очнулся в маленькой аптеке на окраине большого серого города. Это была первая встреча, в которой два существа не пытались меня убить.

Почему от эльфа пахнет так странно?

Почему человек не пытается снять с меня шкуру?

Почему рядом с ними я чувствую себя в безопасности?

Однако за городскими стенами уже шепчется что-то чужое. Лес болеет. Власти не хотят, чтобы его лечили. А прошлое, которое давно должно было остаться глубоко в земле, ещё не сказало последнего слова.

Я просто хотел найти место, где можно остаться.

Но иногда дом оказывается началом гораздо большей истории...

Анна Эйч

Запах дома

Изгнанник

Острые ветви хлестали по кровавым ранам, выдирая клочки шерсти, словно пытались остановить измученное животное. Падая вперёд и снова отталкиваясь, волк бежал, не разбирая дороги. Каждый подъём на лапы отдавался мучительной болью в плече, откуда торчал зазубренный болт. Открытая рана на животе тянула вниз.

В воздухе висел тяжёлый запах ржавчины и крови. Он въедался в глотку, обжигая каждый вдох изнутри. Сердце бешено колотилось. Лёгкие болезненно сдавливало, воздуха не хватало.

Ещё рывок. Ещё один прыжок. Останавливаться нельзя. Лес не даст упасть – он схватит намного раньше.

Сзади трещали ветки и сухие корни – тяжёлая поступь людей и звяканье цепей с капканами. Шаги охотников пробирали животное до самых костей. Волк нырнул под густой орешник, погружаясь в зелёное убежище. Торчащий болт запутывался в зелени и только сильнее тревожил кровоточащую рану. Хотелось выть от боли. Паника забирала в свои объятия. Колючий терновник впивался в толстую шкуру, оставляя

новые раны.

Уши уловили приближающиеся голоса и шаги. Инстинкт и адреналин взяли верх. Глубокий вдох. Волк рванул из последних сил, отталкиваясь лапами от земли, вырывая когтями глину и мелкие корни сорняков.

Из-под лап ушла земля.

Волк упал в небольшой овраг с болезненным скулением. Бежать он больше не мог, лапы дрожали от усталости. Животное прижалось всем телом к земле оврага, словно пытаясь слиться с торчащими корнями деревьев. Затаив дыхание, волк прислушался. Охотники выбежали к краю и всматривались вдаль, выискивая признаки своей добычи. Послышались голоса:

— Удрала тварь!

— Нельзя его упускать, наверняка свернул обратно в лес,
— раздался второй голос.

Шаги отдалялись вместе со звоном металлических цепей. Волк наконец выдохнул.

Колющая боль пронзила бок и лёгкие. В глазах всё поплыло. Раненый волк скатился по плавному оврагу, оставляя кровавые следы на почве.

Прикрыв глаза, волк больше не смог их открыть.

На несколько мгновений крупный хищник пришёл в себя, однако мир двоился перед взором, растягивался и сужался одновременно. Что-то тонкое сдавливало его лапы. Инстинктивно волк зарычал, поднимая голову. Попытался вы-

браться из оков, но тщетно. Кто-то сделал пару шагов от него. Кто-то наблюдал и изучал. Шерстяная голова упала, тело снова обессиленно обмякло. Свинцовые веки время от времени приоткрывались и каждый раз картина менялась: деревья отдалялись. Плеск воды. Его тащили через речной мост. Скрип дверных петель. Линия леса закрылась дверью, забрав за собой и свет солнца. Над волком стояли два человеческих силуэта, один выше второго. Их голоса казались отдалёнными, глухими:

— Сможешь что-нибудь сделать с ним? — первый голос был грубым, с небольшой хрипотцой.

— Попробую, — ответил второй голос — более мягкий и плавный.

Небольшая фигура села перед волком на колени, плотно прижимая ладони к ране. Тихий, словно тягучий мёд, шёпот забирал холод и отдавал вибрирующее тепло. Дыхание волка восстановилось. Из ран перестала капать густая кровь, а рваная кожа сама по себе зарастала, образуя шрамы. Размытая фигура с некоторой тяжестью поднялась обратно на ноги.

Волк ненадолго очнулся. Глаза наконец-то смогли немного сфокусироваться, и он в непонимании разглядывал прижатые друг к другу сосновые стволы. Они сильно отличались от тех сосен, которые волк видел в лесу — живые, медленно тянущиеся своими пальцами к солнцу. А эти мёртвые, лишённые своих ветвей и зелёного покрова.

Пытаясь приподняться, волк с полузакрытыми глазами начал изучать пространство вокруг: неизвестное каменное сооружение, где плавно танцует огонь, похрустывая дровами. Возле огня — знакомая конструкция, похожая на небольшой котёл. Волк такие видел, наблюдая за ночующими охотниками в лесу. Его поймали и теперь поместят в эту мелкую посудину?

Взгляд упал на близко стоящий стол из постаревшего дерева. Деревяшки напомнили извилистую иву, создавая между собой сквозные дыры. Запахи приятно витали в воздухе, образуя успокаивающий букет, — нотки лаванды, остроту мятных листьев, осенней сухой травы, сладких ягод и древесной смолы. Пыльца приятно щекотала ноздри.

Где-то за стенами, почти над головой, слышался уже знакомый грубый голос:

— Его можно приручить, обзаведёмся ручным оборотнем.

Тихий голос отвечал:

— Он разумное существо, а не собачка для дрессировки. Но я бы хотел его изучить, не каждый день встретишь дикого оборотня.

Голова раскалывалась. Каждый раз, прикрывая глаза, существо проваливалось в дрему на несколько секунд. Подушка, обволакивая обоняние вкусным сеном, тянула к себе. Её мягкие касания показались заботливыми, почти материнскими. Мышцы расслабились, оборотень окончательно про-

валился в сон.

«Удрала тварь!» — пронеслось в беспокойной голове. Всё было окутано мраком. Не было леса и хвойного запаха. Над головой, задевая шерсть, пролетали болты, свистящим дождём вонзаясь во тьму под лапами. Несколько болтов впились в мощную шерстяную спину, заставляя тело выгнуться от боли. Волк взвыл и попытался бежать. В лапы вонзились острые зубы капканов, ломая кости и раздирая кожу. Темнота начала поглощать заднюю часть тела. Вместо болтов полилась густая кровь, забивая пасть и глаза.

— Остановитесь! — громко зарычал оборотень, распахивая глаза и обнажая свои волчьи клыки. Страх овладел им. Существо соскочило с дивана, снося деревянный стол с грохотом в сторону. Глухой удар и всплеск воды — вместе со столом упал и липовый графин. Лужа воды словно пыталась сбежать от оборотня, уходя ручейками в зазоры между половицами.

— Спокойнее, здоровяк! — знакомый хриплый голос вблизи. Перед оборотнем в полусогнутом положении стояла крупная фигура с протянутыми вперёд пустыми ладонями. В них не было оружия.

— Дыши ровно и попытайся не разрушить дом.

Оборотень пытался не спускать глаз с человека, постепенно пятясь и выискивая путь к побегу. Спина неожиданно упёрлась в странную постройку. Над ухом зазвенело стекло. Мимо, громко разбиваясь, упало несколько бутылок с жид-

костью, ударяя в нос резкими запахами можжевельника и дикой малины.оборотень вздрогнул всем телом. С предупреждающим рычанием он быстро попятился от этой лужи и шума, хрустя осколками и снося за собой полку. Человек, стоявший перед оборотнем, глубоко вздохнул, тихо бормоча себе под нос:

— Твою мать, просил же не разрушать чёртгов дом...

оборотень упёрся спиной в тёплую стену, от которой повеяло костром и травой. Эта поверхность не издавала шума, стояла ровно и крепко. Паника уступала растерянности.оборотень не понимал, где он находится. Звуки казались громче, чем в лесу. Запахи хоть и схожи, но смешивались с чем-то чужим. Глаза бегали по помещению. Оно было странным, отличалось от тех домов, куда он попадал против своей воли. Не было тяжёлого запаха крови или ржавого металла. Вдоль стены были какие-то полки, но без груды железных капканов, клеток или цепей. Рядом с дверью высился огромный деревянный шкаф, откуда доносился лёгкий запах льна и лаванды. Однако один угол притягивал внимание сильнее: оттуда нос улавливал привычные запахи луговых цветов и лесных растений.

Из-за широкой спины человека показалась низкорослая фигура, окутанная большой тёмной мантией. Существо коснулось своей белой ладонью человека, и тот наконец-то ослабленно выпрямился, медленно опуская руки и расправляя плечи. На поясе человека оборотень приметил петли для

оружия, как у охотников из леса, только они пустые.

Существо в мантии тихо приблизилось к оборотню, поднимая на него серо-голубые глаза. Это оказался невысокий эльф с длинными заострёнными ушами. Он почти на полторы головы ниже самого оборотня.

— Как себя чувствуешь? — тихим и чётким тоном спросил эльф, его глаза изучали нового гостя в доме.

Оборотень инстинктивно попытался сделать шаг назад, сохранив дистанцию, но только сильнее прижался к стене.

— Чувствую? — неуверенно переспросил оборотень, разглядывая эльфа. На широких штанах не было намёка на оружие или скрытого ножа на поясе. Куда больше оборотня заинтересовал запах эльфа. От него приятно пахло родным лесом, мокрым мхом и терпкой смолой из-под содранной коры. Оборотень уже чувствовал этот запах, но, когда именно? Мысли ещё путались в голове.

— Чувствуешь боль в плече или животе? — настаивал эльф, плавно сцепляя перед собой бледные пальцы. Стоящий сзади человек также выжидающе с прищуром смотрел на оборотня.

В плече или животе? Воспоминания мощной волной нахлынули на оборотня — как он убегал от охотников. Заполняющая тело боль, и вкус густой крови в горле. Как его куда-то тащили и чьи-то прикосновения возвращали в него жизнь. Руки спешно нащупывали болт, который должен был торчать из плеча, но его там не оказалось.

Оборотень почувствовал странную и неприятную скованность, словно угодил в большую паутину. Рефлекторно он попытался отряхнуться, смахивая паутину с плеч, но эти ощущения не уходили. Оборотень взглянул на свои смуглые ладони и на долю секунду показалось, что они все окутаны тонкими липкими нитями. Быстро моргнув, он увидел ткань одежды, а не паутины. Оборотень осмотрел своё тело, щупая хлопковую рубашу и оттягивая ткань льняных штанов. Босые ноги стояли на деревянном полу, усеянном осколками. В стае одежды не носили — почти всё время ходили в обличье волка. Задрав рубашу, оборотень провёл пальцами по рельефному шраму, где раньше была огромная рана. Крови и боли не было.

— Что ты сделал со мной? — едва слышно спросил оборотень, поднимая карие глаза на эльфа.

— Исцелил, — кратко ответил эльф. — Боль чувствуешь?

— Нет, — на выдохе ответил оборотень, обессиленно отпуская рубашу. Волчьи клыки отступили в дёсны.

Совершенно недавно обратню казалось, что он умирает или уже умер. Сейчас тело даже не ноет от недавней боли и погони. Эльф удовлетворительно кивнул, после чего развернулся и ушёл в сторону, откуда пахло луговыми цветами и травами. Тяжёлая ткань почти не шелохнулась на низком существе, но оставила за собой лёгкий запах лаванды. Оборотень смотрел в затылок эльфа. Наблюдал за тем, как тот сел за стол со странными склянками, взял перо и что-то им

нацарапал на пергаменте.

Оборотень обернулся на звуки тяжёлых шагов. Это был человек. Он подошёл к столу и с невероятной лёгкостью поднял его обратно на ножки. Человек жилистыми руками упёрся в стол, и тот жалобно затрещал под ним. Тёмно-зелёные глаза с интересом смотрели на зажатого к стене оборотня:

— Как тебя кличут? – голос человека звучал безмятежно, словно уходящий по небу гром.

Оборотень ответил не сразу. Его глаза ещё изучали окружение и двух существ. Помещение не выглядело как охотничий дом. Тут были следы простой жизни – посуда, банки с травами, запахи еды. Не было отвратительного зловония кислого пота или едкого табака. Эльф внушал доверие из-за своих запахов, и оборотень слышал от старших в стае, что эти существа не охотятся ради трофеев. Чего не скажешь о человеке, который своей мускулатурой и ростом походил на медведя. Только в отличие от свирепого обитателя пещер, он ещё не разодрал оборотня, который стоял на его территории.

— Чжао, — осторожно ответил оборотень. Чжао никак не решался сменить позицию. Он пристально наблюдал за каждым действием человека.

— Я — Риша из варварского клана Медвежьего Рёва, — человек положил свою массивную руку на грудь, указывая на себя, на что Чжао немного дёрнулся, делая небольшой шаг в сторону. Пальцы ног коснулись прохладного острого осколка.

Со стороны человека послышался глубокий и тяжёлый вздох. Его рука указала в сторону эльфа. Голос зазвучал твёрже:

— Это Фаша с эльфийских земель, местный целитель-алхимик. И это место называется «аптека», тут лечат и исцеляют. Прямо как тебя, Чжао. Поэтому хватит трястись, оставь свои клыки при себе и не разнеси остатки товаров. А ещё лучше подбери свой хвост и уложи его на диван, пока не собрал им осколки. Справишься, волчонок?

Его голос креп с каждым словом и человек всё больше напоминал старшего наставника из стаи. А им категорически нельзя было отказывать или перечить. Наступая на внешнюю сторону стопы, Чжао с некоторой неловкостью отошёл от шкафа со склянками к дивану.

— Выдыхай свой страх, ушастый. Твоя шкура при тебе и кости всё ещё целы, — с лёгкой улыбкой говорил человек, опуская свою тяжёлую руку на плечо оборотня. Под давящим весом Чжао практически упал плашмя на диван. — Рассказывай, как угодил к охотникам и где твои друзья шакалы?

Риша отошёл в сторону каменного сооружения с огнём, выживая из угла длинную метлу и небольшую лопату. Мелкие осколки слабо зазвенели под мягким шуршанием стеблей, собираясь в небольшую кучку. Звон осколков, треск костра и едва слышное царапанье пера эльфа слились в единую спокойную мелодию. На оборотня накатила волна усталости

и тоски от воспоминаний этого дня.

— Я должен был встретиться с наставником, — заговорил Чжао, опуская взгляд на свои ладони. — Пришёл на назначенное место, но нашёл только тело наставника. Услышал, как сработал подо мной капкан, и рванул оттуда со всех лап. Охотники увязались за мной и до самого конца не отпускали.

— Хм... не находил на тебе капкана. Повезло тебе, бродяга, сращивать кости — дело болезненное и долгое, не все такое выносят, — отвечал человек, собирая осколки на деревянную плоскую лопату. — А чего стоя за тобой не пришла? Вы же там должны быть за каждого горой.

Чжао на некоторое время затих. На душе совсем стало паршиво. Сейчас он ощущал себя брошенным щенком, до которого никому нет дела. Грубые пальцы отчаянно вцеплялись в колени, словно физическая боль могла прогнать душевную. Но от этого лучше не становилось.

— Меня изгнали пару зим назад, — тихо произнёс оборотень, тяжело выдыхая. Эти слова принесли небольшое облегчение, словно от огромного ледника откололся кусочек и моментально растаял. Раньше он никому не изливал свою душу.

— Мы иногда с наставником встречались, он рассказывал, как идут дела в стае.

Осколки с сухим звоном ссыпались в ведро, стоящее возле высокого шкафа. С лёгким стуком метла и лопата легли в угол каменного сооружения. Высокий мужчина подобрал

с пола деревянный графин и ушёл за спину оборотня, ненадолго оставив его в собственных мрачных мыслях. Петли скрипнули. Послышался плеск воды и звон стекла. Но оборотень не нашёл в себе сил, чтобы обернуться на этот шум. В поле зрения вернулся Риша, поставив перед гостем простой прозрачный стакан, в который неспешно хлынула прохладная вода из горлышка липового графина.

— Когда-то и я потерял семью, ушастый. И отца с матерью, и наставников, — человек говорил с едва ощутимой тоской в голосе, словно его горе уже было давно закопано под землёй. — Тоже чувствовал себя как в воду опущенный. Как будто из тёплой постели выкинули на дно ледяного колодца и оставили барахтаться, пока не откинусь. А чего тебя изгнали? Набедокурил где или из общака забрал самого толстого кролика?

Общее горе прошлого неожиданно сблизило их. Этот человек ощущался как старший брат, которому хотелось доверить все переживания и мысли. Рука подвинула стакан с водой ближе к оборотню. Громоздкое тело человека заняло весь стул на другой стороне стола. Риша слушал внимательно каждое слово Чжао.

— Проходил ритуал выбора на нового вожака. Наставник настоял на моём участии, — руки оборотня сами по себе вцепились в охлаждённый стакан. Прохлада от воды заколола в ладонях.

Чжао хотел ответить кратко и по делу, но слова водопадом

сами полились изо рта:

— Я смог одержать победу. Сделал всё по закону клыков... даже самого сильного в стае на спину положил! Я один на лапах остался! А когда обернулся на стаю, они даже в глаза не смотрели. Совет павшего вожака принял решение, что я дрался нечестно и выдвинул голосование на моё изгнание. Стая выла в знак согласия. Не выл только мой наставник. Они гнали меня с территории, а старшие только вслед смотрели. Наставник потом узнал, что в вожаки хотели другого посадить, а я помешал. Вот и решили просто выгнать.

В лице оборотня снова появился клыкастый оскал отчаяния. Пальцы судорожно скользили по влажному стакану, на шее вздувались вены.

Хотелось выть во всю глотку.

— Вот значит как. Самый больной нож в спине — это нож друга, — Риша только горько усмехнулся. — Самые бесчестные и трусливые — это законники, которые сами по своим же законам не живут, и извиваются не хуже ядовитой змеи. Ты смог победить и того, кто у тебя место вожака украл?

— Да, он пал чуть ли не самым первым.

— Удобно придумали — изгнать самого сильного, а на трон посадить щенка, — человек цокнул с громким выдохом презрения. — Такого потом и свергнуть легко в случае чего. Поджали хвосты трусливо, потому что кто-то убивает лучше их отцов. У гоблинов и то благородства больше будет.

Риша на мгновение замолчал. Упираясь локтями в стол,

человек поддался вперёд к оборотню:

— Знаешь, что мы сделаем, ушастый? Мы будем твоей новой стаей. Но учти один закон клыков, в котором их нельзя показывать мне или главному по аптеке без причины. И никакой крови за главенство. Я знать не хочу, что у Фаши в сосудах может быть спрятано, и ты тоже этого знать не хочешь. Договор?

Правая рука, с повязанной красной тряпкой на запястье, неспешно выступила вперёд со сжатым кулаком. На бородастом лице Риши расцвела широкая улыбка, брови свелись к переносице, создавая морщинки на обветренной коже. Новая стая. Новая семья. Новые законы, которые не ведут к смертям или меркам сил за титул главного. В глубине грудной клетки оборотня зажегся лёгкий огонёк надежды.

Чжао какое-то время молчал, переводя взгляд с лица человека на его протянутый кулак. В горле встал низкий вибрирующий звук тяжести выбора — принять предложение варвара или уйти в одинокую жизнь лесного волка. Оба варианта казались опасными. Нос ловил нотки свежего человеческого пота и кожи от протянутой руки. В этом запахе не было угрозы — только ожидание. Шумно выдохнув, оборотень расслабил челюсти и сбросил напряжение в плечах и спине. Сжав кулак, он легонько ударил сверху по руке Риши.

Неполная луна тускло освещала холодным светом небольшую комнату. Из открытого окна доносилось пение сверчков

и кузнечиков, разбавляя тишину и отвлекая от тревожных мыслей. Сон никак не приходил к оборотню. Он по привычке свернулся в клубок на новой кровати, прижимаясь лбом к стене. Что теперь его ждёт в новой стае? Какой будет завтрашний день? Стоило только прикрыть глаза, как перед ним появлялись эпизоды этого дня — мёртвое тело наставника. Тяжёлый бег от охотников. Кровавый болт, торчащий из плеча. И чужое место под названием «аптека». От всех этих воспоминаний Чжао резко вздрагивал, пробуждаясь от дрёмы. Он судорожно вдыхал запахи пыли и сухой травы из подушки. Сев на край кровати, оборотень протёр глаза, словно пытался избавиться от злых призраков этого дня.

За стеной, в соседней комнате, негромко похрапывал человек. Было слышно его глубокое дыхание. Чжао ему сейчас завидовал — спать очень хотелось, но это желание было не взаимным. Оборотень осмотрел свою комнату — это была небольшая спальня на втором этаже помещения со скромным набором мебели. Кровать стояла у стены. Рядом была маленькая прикроватная тумбочка. Возле двери стоял широкий шкаф. Риша сказал, что шкаф нужен для одежды и личных вещей. Варвар перед сном поделился некоторой своей одеждой и выдал две пары кожаных сапог. Оборотень не до конца был уверен, что ему нужно такое количество одежды, а тем более обуви. Всё же он привык ходить босым.

Нос уловил цитрусовый и слегка травянистый запах, исходящий из дверной щели. Ступая по прохладному полу,

оборотень аккуратно толкнул плечом дверь, и она открылась с тихим жалобным скрипом. В коридоре второго этажа запах ощущался отчётливее. От лестничной площадки по стене расползлся блёклый свет огня. Он извивался и игриво звал к себе, отталкивая лунное свечение. С каждым шагом нотки цитруса усиливались в воздухе.

Спустившись на первый этаж, Чжао остановился на последней ступени и выглянул из-за стены. Комната была погружена во тьму. Свет исходил от висящего над столом фонаря, на мгновение заставляя волчьи глаза сузиться. Привыкая к тёплому свету, оборотень увидел маленькую фигуру. Это был эльф, без тяжёлой мантии он выглядел ещё меньше.

От рук эльфа раздались монотонные глухие постукивания, перемешиваясь с благоуханием травы и лимонов. Казалось, что этот хор из звука и запаха сам по себе лечит, отгоняя злые мысли. Тишина не так сильно давила. Чжао медленно вышел с лестницы и тихой поступью шёл к эльфу, словно боялся спугнуть редкую птицу в лесу. Из-за грациозной спины эльфа открылся широкий стол из дуба, потемневший от времени и со стёртыми краями. В деревянные волокна въелись оттенки луговых цветов, лесных трав и чёрных клякс. На поверхности теснились склянки разных размеров и форм. Вблизи появились новые запахи — воск и пряная горечь.

Постукивания затихли, и сердце замерло от неожиданной тишины. Эльф плавно повернулся в его сторону. Оборотень

попытался отступить, но тут же остановился от тихого голоса:

— Тебя что-то беспокоит?

В руке эльфа причудливая короткая палка. Во второй ладони расположилась широкая глиняная чаша, где по стенкам растёрлась мелиса, превращаясь в кашу. В свете фонаря Чжао смог рассмотреть узкое лицо существа с тонкими губами и аккуратным небольшим носом. В лесу оборотень иногда встречал кочевые народы лесных эльфов, Фаша чем-то был на них похож. Но язык не поворачивался назвать его именно лесным эльфом. Он был совсем другим.

— Где-то болит или тошнит? — снова спросил Фаша, ставя чашу с палкой на стол. Его голос звучал мягче, чем при первой встрече. Глаза существа изучающе осматривали оборотня в районе плеча и живота, где остались шрамы.

— Нет, — негромко ответил оборотень. — Кошмары только и уснуть не получается.

— Бессонница и кошмары? — задумался Фаша. — Подожди немного, пожалуйста.

Встав со стула, невысокий эльф подошёл к одному из шкафов с открытыми полками. В его руках звон бутылок ощущался как падение льда в мягкий снег. Движения эльфа были неспешными. Он напоминал плавно плывущего лебедя в озере. С полки Фаша достал наполненный сосуд со светло-зелёной жидкостью. Он откупорил пробку и протянул оборотню. В нос ударил знакомый резкий запах валерианы.

Волосы на затылке встали дыбом, заставляя оборотня сделать шаг назад. В голове вспомнились слова Риши о том, что у лекаря может быть что-то спрятано в сосудах.

— Не бойся. Это настой на лекарственной валериане, поможет уснуть без кошмаров.

— Риша говорил, что твоим бутылкам доверять нельзя, — взгляд оборотня рассматривал склянку, выискивал что-то опасное. Фаша едва заметно улыбнулся кончиками губ, бессловно соглашаясь со своим товарищем-варваром.

— Я создаю лекарства, а не яды. Попробуй приняться. Что ты чувствуешь?

Чжао потихоньку приблизился. Наклонился к открытому флакону и медленно вдохнул ароматы:

— Сильный запах валерианы, земли, старой листвы и чего-то кислого. Очень похоже на перебродившие ягоды, — перечислял Чжао. На каждый перечисленный элемент эльф слабо кивал и с ожиданием смотрел на оборотня. Чжао знал, как пахнут некоторые опасные растения и какие могут быть последствия после их поедания. В этом сосуде не было этих запахов.

Оборотень аккуратно перехватил бутылёк с зельем из рук эльфа, неуверенно смотря на жидкость внутри. Не решался сделать первый глоток. Фаша оставил его наедине с очередным выбором, пройдя неслышными шагами мимо к своему дубовому столу. За ним остался едва ощутимый уже знакомый запах — мокрый мох и смола.

Оборотень поставил бутылёк на стол и сел напротив, разглядывая зелёную воду за стеклом. На стекло наклеен кусочек пергамента, покрытый витиеватыми чужими буквами, но разобрать их не получалось. Чжао инстинктивно доверял эльфам, они никогда не желали ему зла, но что, если этот эльф другой? Если его хотели убить, то сделали бы это ещё на пороге дома, когда он истекал кровью. Совершенно нет смысла в том, чтобы сначала исцелять, а потом убивать. Оборотень по-волчьи мотнул головой, отбрасывая мысли.

По комнате снова расходился постукивающий звук из чаши с мелиссой. Эта мелодия убаюкивала и отгоняла напряжение. На одном дыхании Чжао взял сосуд и опустошил его. Жидкость отдала неприятной горечью на языке и жжением. Горло само по себе сжалось, не желая принимать горькую воду. Но стуки от чаши эльфа словно отсчитывали удары его сердца и дыхания. Оборотень понял: если он сейчас не проглотит эту жгучую горечь, то тишина с кошмарами станут невыносимыми. Пересиливая себя, Чжао проглотил эту гадкую смесь.

Отставив от себя склянку, Чжао стал ждать эффекта.

Руки немного тряслись от страха. Он ждал чего-то плохого — неожиданную боль, горение или зуд по коже. Может смерть придёт в один щелчок, и он даже не поймёт, что перестал дышать. Но тело не чесалось. Боли не было. Даже желудок не ревел от этого горького лекарства.

Мышцы сами по себе начали расслабляться, становились

приятно тяжёлыми. В глазах слегка плыло и все мысли отступали. Монотонный звук глиняной чаши напоминал колыбельную. Чжао улёгся на диван, фокусируясь на мелодии. Глаза медленно закрывались, плохие картинки не приходили, в голове ни единой мысли. Окончательно закрыв веки, оборотень погрузился в крепкий сон без кошмаров.

Чьи-то прохладные руки с материнской заботой накрыли тело оборотня одеялом, окутав его теплом и запахами сухой луговой травы.

Ночные постукивания пропали. Тишина сильным потоком прошла по ушам, из-за чего оборотень резко пробудился, смахивая на пол одеяло. Чжао с тревогой осматривал помещение. Комната наполнялась совсем другими звуками, более громкими и не такими томными. Свет холодной луны сменился тёплым солнцем. Взгляд тут же упал на дубовый стол, где сидел эльф, но там оказалось пусто. На секунду Чжао показалось, что целителя не существует. Что это была только ночная тень с фонарём и запахом смолы с цитрусом. Но склянки оказались перестроены в другой лабиринт, а глиняная чаша стояла в ковре высушенной мяты.

«Он был здесь, мне не приснилось» — подумал оборотень, вдыхая нотки свежей древесины и вкусного дыма.

— Эй, здоровяк, не много ли ты спишь? — вместе с будничным громовым голосом раздался и манящий запах жареного мяса. В кухонной зоне стоял Риша спиной к оборотню,

неспешно прокручивая шампур с толстым кроликом над огнём открытой печи.

— А где... — запнулся Чжао, переводя взгляд с пустого стула эльфа на Ришу.

— По своим аптечным делам ушёл, — предугадывая вопрос, отвечал человек. — Не знаю, когда вернётся, но точно вернётся. Всегда возвращается.

Эти слова немного успокоили Чжао. Значит, он ещё встретится с молчаливым элфом. Успокаивало и то, что сам Риша был рядом, закрепляя свою речь про новую стаю.

Лёгкие наполнялись ароматом жареной дичи, который очень отличался от запаха сырого мяса из леса с вкраплениями земли и мокрой шерсти. На тумбах, рядом с печью, стояла небольшая кастрюля, откуда дополнительно веяло варёными овощами и зеленью. От этого пьянящего дыхания еды у оборотня заурчало в желудке. Когда он ел в последний раз? Касалась ли вода его языка за последние дни? Словно вечность провёл в голоде. В горле была только жгучая горечь лекарства.

— Пусто в брюхе, а? — варвар вытащил шампур с огня и обернулся к кухонному столу, укладывая обжаренную тушку на разделочную доску. Глянув на оборотня, Риша понял: ответ не нужен. В распахнутых глазах Чжао читался ясный животный голод.

— Ну так бери хвост в руки и топай морду умыть, а потом уже обедать! И слюнями дом не залей! Мне хватает Фа-

шиных пробирок с его кислятиной. Бочка с водой на заднем дворе через кухню, не пропустишь.

Чжао встал с кушетки. Пальцы ног наступили на край мягкого одеяла, которое отвлекло от предвкушения обеда. Подняв его с пола и положив на диван, Чжао снова почувствовал запах луговой травы — едва заметная тень прошлой ночи. Ощущалась какая-то загадка в этом доме. Что-то не сходилось в мыслях. Но что именно — оборотень пока не мог понять.

Проходя мимо кухни, запах мяса и поджаренного жира вскружили голову оборотню. Желудок словно прилипал к позвоночнику. Петли деревянной двери тихо вздохнули, выпуская оборотня на задний двор.

Весеннее солнце согревало лицо. Ещё влажные от росы травинки заходили между пальцами ног и приятно щекотали. Со стороны небольшого огорода пахло душистыми травами. Бочка с водой стояла в паре шагов от двери, но взгляд Чжао был прикован к далёкому лесу.

Прямо сейчас он может обратиться в волка и сбежать. Найти одинокое тело наставника. Быстрыми шагами, оглядываясь на приоткрытую дверь, откуда видна только спина человека, оборотень подбежал к невысокому забору. Хватаясь за деревянные столбы, неожиданно для себя он остановился. Что, если охотники ждут его возле тела наставника? Или наставника больше нет на том месте? За наставником могла вернуться стая и учуять запах Чжао, а это ещё хуже.

Тогда на пятки будут наступать не только охотники.

Оборотень тяжело выдохнул. Как бы ему ни хотелось, но этот дом с человеком и эльфом — его временное спасение. Пока он не в обличье волка, зловонные охотники его не найдут. И стоя к посторонним не приблизится. Чжао отпустил забор и отвернулся от леса, подходя к бочке с водой.

От бочки пахло мокрой древесиной и землёй. Осторожно зачерпнув воду ладонями, Чжао погрузил горячее лицо во влажную прохладу. Мягкий холод придавал сил и слегка щипал кожу. Этого показалось недостаточно. Оборотень судорожно зачерпывал ещё воды, оmyвая уже всю голову и волосы. Холод сводил челюсть. По коже пошли мурашки. Каждый вдох давался с трудом, но эти ощущения привели Чжао в чувства. Сейчас он в безопасности, никто не пытается отрезать ему голову, чтобы повесить на стену. Надо позволить себе ненадолго выдохнуть.

— Ты там утонул, ушастый? — голос человека из дома окончательно вернул к реальности.

Чжао смахнул с себя капли холодной воды. Он потянул дверь за ручку и вернулся в тёплое помещение. Лицо горело, затягивая краснотой щёки и лоб. Обоняние вновь уловило запах еды, трав и горелого дерева. На обеденный стол Риша с глухим стуком поставил пару глубоких тарелок, из которых валил горячий пар. Куда больше взгляд Чжао привлекало большое блюдо, на котором лежал разделанный кролик. Обжаренная корочка заманчиво бликовала в лучах солнца.

Желудок снова жалобно зарычал.

— Хватит пялиться на кролика, он сам к тебе не прискачет! Тащи свои лапы за стол и ешь. Тебе нужно оправиться после ран, а для этого нужен жир, — громовой голос Риши заставил оторвать глаза от еды. Махнув огромной рукой, человек подозвал гостя к столу.

Голод сам понёс ноги оборотня вперёд, и он сел на диван. Риша расположился на стуле напротив, но к еде не притронулся. Он ждал первый шаг оборотня, терпеливо к нему приглядываясь. Чжао помедлил. Он рассматривал еду на столе и пытался не упустить каждую деталь. Из глубокой тарелки поднимались сладость моркови, землистость картофеля, кислинка томатов, травянистость капусты и перца. Эти запахи переплетались с душистыми растениями, которые оборотень видел на заднем дворе. Нарезанные овощи теснились в наваристом овощном бульоне. От аккуратно разделанного кролика пахло сочным мясом с нотками можжевельника, розмарина и тимьяна. Запахи оказались знакомыми и идеально дополняли друг друга.

Подняв взгляд на варвара, оборотень застыл в ожидании.

— Не бойсь, ушастый! Кролик из твоего леса. А овощи сам вырастил, — сказал Риша, и в его хриплом голосе проскользнул едва заметный оттенок любви.

Риша подцепил деревянной ложкой несколько овощей с бульоном и взял небольшой кусок от кролика, загоняя это всё в рот. Оборотень выждал, когда человек проглотит пер-

вые несколько укусов и убедился, что с едой всё в порядке.

Наблюдая за тем, как человек пользуется ложкой, оборотень попытался повторить движения. Получалось не так плохо. Но овощи иногда норовились сбежать, а бульон капал на стол, пол и на колени. С кроликом проблем не было. В процессе трапезы неоднократно возникало желание отложить неудобную ложку и начать есть всё руками. Однако казалось, что это будет не совсем правильно. Несмотря на неудобства, оборотень с некоторой спешкой зачерпывал овощной суп и тут же брал кусок мяса, набивая щёки. Со стороны человека проскальзывали смешки, которые он тут же пытался маскировать под тихий кашель.

Жареное мясо оказалось намного вкуснее и легче жевалось. После сырого мяса ещё долго приходилось вытаскивать шерсть между зубов. Даже хрящи приятно похрустывали. Прежде оборотень избегал овощей, но эти были мягкие и не отдавали вкусом земли.

Тарелка постепенно опустела, а от кролика осталось только несколько костей. Шумное чавканье стихло. Впервые оборотень за эти дни дышал тихо и ровно, без тревоги и страха. Тело наполнилось теплом от сытной горячей еды. Варвар неспешно собирал тарелки и ложки. Кости сухо стукнули на дне деревянного ведра возле двери.

— Наелся, ушастый? — попутно говорил Риша, унося посуду в сторону кухни. — Когда в желудке не пусто, то и дурные мысли не лезут. Поможешь с поручением нашего цели-

теля? Попросил бадьян разбросать по своим банкам — на плоды и стебли с корнями.

Чжао с неприкрытым интересом обернулся на варвара. Таким он не занимался раньше. Поручение от эльфа-целителя звучало увлекательно и не хотелось упускать возможность прикоснуться к такому ремеслу. О бадьяне оборотень не слышал, наверное, это какое-то редкое растение.

— Да, я постараюсь, — ответил оборотень с энтузиазмом, что вызвало на лице человека улыбку.

— Видно, что силы к тебе возвращаются! Можешь пока стол тряпкой вытереть. Тряпка на кухне. Окуни её в воду и выжми, чтобы потоп тут не устроить. Я пока за корзиной с этой травой схожу. Справишься?

Чжао кивнул в ответ.

Человек громкими уверенными шагами ушёл по лестнице наверх. По лёгкой вибрации и шуму оборотень понимал, где он находится над головой. Послышался скрип двери. Человек обо что-то споткнулся и по пути забавно ругался на целителя и бардак в его спальне.

Чжао прошёл на открытую кухню и внимательно осмотрелся. Деревянные поверхности выглядели не новыми — с царапинами и торчащими занозами. Кухней регулярно пользовались. Вдоль стены были развешаны высушенные пучки растений. По запаху оборотень узнал тимьян, розмарин, укроп, базилик и петрушку. В углу была подвешена косица сушёного чеснока. Запах был не таким резким, как от свеже-

го, но в нос бил не менее неприятно. Из открытой печи ещё ощущался запах затушенного костра. Оборотень заметил на одной из тумб кусок скомканной грязноватой ткани, имеющий запах затхлости. Тряпка оказалась неприятно влажной и касаться её не хотелось. Но давать заднюю нельзя, человек на него рассчитывает.

Задерживая дыхание, оборотень взял тряпку кончиками пальцев. Он удерживал её на расстоянии от себя. Дверь на задний двор пришлось открывать спиной, так как плечом это оказалось неудобно — тогда бы пришлось сократить расстояние с этим сомнительным запахом.

Чжао окунул тряпку в прохладную воду из бочки. Она потяжелела в руках, а с краёв активно сбегали капли. Наконец-то оборотень выдохнул. Тряпка немного потеряла свой гадкий запах из-за воды. Не совсем правильно понимая, что такое «выжать», оборотень с силой сжал руками кусок ткани. Вода неожиданным потоком упала на землю. Чжао мгновенно отпрыгнул назад, смотря на грязную лужу. Правильно ли он «выжал»? Оборотень осмотрел тряпку — с неё больше не капало. Похоже, он всё сделал верно и теперь потопа не будет.

Вернувшись к обеденному столу, Чжао прошёлся по нему влажной тряпкой, убирая капли супа с кусочками овощей и несколько волокон кроличьего мяса. Получилось не совсем умело. Тряпка цеплялась за древесину или застревала в зазорах. Но стол выглядел чистым. Для первого раза вышло

неплохо. Тряпку Чжао унёс на место с надеждой, что больше её трогать не придётся.

— Вроде эльф, а в порядке гоблину не уступает. Чуть не убился в его эльфийских садах! Хоть бы с прохода свои тюки с сеном убрал. И ведь не пустит прибраться, потому что, по его мнению, у него всё на местах и подписано! — с ворчанием спускался варвар по лестнице, держа в руках небольшую корзину с неким бадьяном.

Медведеподобный человек высыпал все растения на стол, от которых воздух наполнился сложным ароматом — сладким и одновременно горьким, лакрично-душистым. Бадьян не был похож на другие растения. Стебель и листья зелёные, а вот сам цветок был похож на деревянное украшение. Рыжевато-коричневые лепестки удерживали в себе семена, как скорлупа держит свои орехи.

Корзину человек оставил около стола. Он развернулся к двум высоким шкафам и начал выискивать нужные банки. Оборотень тихонько подошёл к шкафам и с интересом рассматривал разнообразные банки. У некоторых банок очень причудливая форма. Они напоминали силуэты птиц с длинными клювами, смотрящими в разные стороны. Или толстые капли с высокими горлышками. Встречались и привычные стаканы, но разных размеров. На нижних полках теснились самые большие банки с наклеенными пергаменами и какими-то надписями.

Спустя время, Риша нашёл нужные две банки и с громким

стуком поставил их на стол.

— Будем с тобой всё это дело на две банки распределять. Стебля и листья сюда, а цветок с семенами вот в эту, — объяснял Риша, показывая, что и куда складывать.

— Не перепутай! Этот бадьян вроде как редкий, Фаша его под заказ покупал. Накосычим — кричать не будет, но взглядом всю душу сожрёт!

Для примера варвар взял несколько растений, бережно отрывая цветок от стебля. В первую банку упал сам стебель, во вторую — соцветие с семенами.

Риша вновь расположился на стуле, который жалобно под ним затрещал. Оборотень по волчьей привычке сел на диван, поджав под себя ноги.

У оборотня эта работа получалась намного лучше, чем управляться с ложкой или тряпкой. Наощупь цветки оказались твёрдыми, а запах разбавился корицей и терпким имбирём. Перед тем как отпустить части растения в банки, Чжао каждый раз проверял, куда кладёт стебель и сам цветок. Хотя цветки уже были твёрдыми, они всё равно казались очень нежными и хрупкими. А вот варвар всё закидывал быстро, почти не задумываясь.

— Зачем нужны эти растения? Лекарства горькие делать? — спросил Чжао. Работа была монотонной, поэтому он решил сделать первый шаг, чтобы завязать разговор с Ришей. Может получится узнать что-нибудь интересное про это место, про самого человека или про эльфа.

— А ты быстро схватываешь! — голос Риши звучал спокойно, будто варварская натура ненадолго в нём уснула. — Да, из семян Фаша какие-то масла делает. Цветок уходит на настои. Стебли зачем-то высушивает. Иногда получается пару этого цветка перехватить на специи или на эльфийские чаи эти. Пахнет он очень вкусно, даже у меня всё внутри замирает от этого цветка. А чего горькие-то? Успел уже втихую бутылку выпить из запасов?

— Целитель сам мне дал что-то горькое! Валерианой пахло. Не мог ночью уснуть, а он внизу сидел и что-то с растениями делал. Лекарство помогло, и я быстро уснул.

— Теперь понятно, почему ты дрых на первом этаже, хотя я оставлял тебя на втором. Фаша тебя снотворным напоил. Хорошо помогает уснуть и кошмары отгоняет. На вкус, конечно, та ещё гадость, но оно того стоит.

Руки человека выглядели сухими и очень грубыми. Кожа словно натянута на сухожилия, и казалось, что она вот-вот лопнет. Красная тряпка на руке Риши притягивала взгляд как волчьи ягоды — спелые красные плоды, которые таят в себе опасность. Тревожить прошлое всегда неприятно, но оборотень набрался смелости и спросил:

— Ты говорил, что тоже потерял семью. Тебя тоже изгнали?

Какое-то время человек молчал, и Чжао уже пожалел о своём вопросе. Риша тяжело вздохнул, но всё же ответил:

— Нет. Раньше я жил в варварской деревушке. Её подо-

жгли враги. Почти все умерли, а кто выжил — пытался хоть что-нибудь спасти из пламени. Женщины своих детей в лес уводили. Тогда я и потерял семью. Один из родительского дома смог выбраться. Воду вёдрами таскал, хоть что-то пытался спасти, пока в дыме не задохнулся. До сих пор горячая земля на пальцах чувствуется и слышу запах горелых домов.

В лице варвара появилась глубокая тоска. Его отрешённый взгляд словно смотрел в свой давний кошмар, где он ничего не смог сделать. Человек на мгновение постарел, паутинка морщинок у зелёных уставших глаз стала глубже. Повисло тяжёлое молчание. Оборотень ощутил укол стыда за то, что посмел ворошить прошлое Риши. Но он его понимал как никто другой. Понимал эту горечь одиночества и беспомощности. Варвар своей крупной ладонью потёр лицо, и тоска с него сошла. Риша снова помолодел, в глазах появился живой блеск и морщины утратили глубокий рельеф.

— Но смотри, ушастый, я живой. С руками и ногами, даже голова на месте. И смог тогда похоронить тела товарищей и родителей. Запомни одно, Чжао: тяжесть прошлого не должна быть твоей клеткой. Носи её с собой, помни о ней, но не позволяй ей захватить тебя! Это тебе мой урок.

Нос сам уловил запах пепла от человека. Какую-то невидимую тяжесть прошлого. Оборотень на несколько секунд остановился в работе, смотря в лицо варвару. Чжао медленно склонил голову, признавая себе равного по утрате. Губы варвара дрогнули, обнажая зубы в бородатой ухмылке, в ко-

торой не было радости. Только стальная опора для товарища.

Закатное солнце тепло освещало сосновый стол, на котором уже не осталось ни одного целого бадьяна. Стебли и листья плотной горкой сидели в первой склянке. Вторая была наполовину заполнена цветками с семенами, которые отдавали душистый аромат. После тяжёлого разговора варвар перевёл диалог в лёгкие и приятные беседы, за которыми время пролетело быстро. Риша рассказывал о своих путешествиях с целителем.

Они бывали на землях гномов, где Риша научился правильно выращивать особый вид пшена и варить медовуху. И в зимние периоды ему приходилось ругаться с Фашей, чтобы взять хотя бы несколько бочонков мёда из запасов. Но куда сильнее оборотня удивляло то, что часть этого народа живёт под землёй. Гномы добывали в шахтах интересные камни, которые называют рудой или драгоценностями. Человек пообещал, что как-нибудь сводит оборотня на рынок и покажет все эти камни.

Они кочевали через лесные степи с лесными эльфами. Аптекарь познакомил Ришу с диким народом звероловов-коней, существующим уже больше ста зим. Оборотень видел в местном лесу людей с телом лошади, но никогда к ним не приближался. Риша также предупредил, что лучше их называть гхоорами — это их коренное название. Если их назвать просто лошадьми или конями — можно получить

копытами по животу, что очень не хотелось. Чжао стало любопытно — знают ли они местную стаю гхоорцев?

— С этим несчастным бадьяном разобрались! Пойдём лапы с мылом мыть, а то Фаша постоянно говорит, что после работы с растениями — очень важно отмыть руки. Я не сильно понимаю в растениях, но в этом плане я ему доверяю! И будем с тобой к ужину готовиться. Там гляди, и наш блудный аптекарь вернётся. Поди не жрал ничего опять, голодный придёт, — сказал варвар. Наполненные банки с бадьяном с глухим звоном уместились обратно на тесную полку.

Риша пошёл на задний двор. Чжао не сразу обратил внимание на тяжёлый шаг человека. Он постепенно привыкал к большому шумному варвару рядом с собой. По пути Риша прихватил с кухни бело-синюю ткань с угловатыми изображениями лесных зверей. В середине был изображён медведь, по бокам волки, за ними олени и в конце кролики. Зверей окружали угловатые синие узоры. От ткани исходил странный запах, словно в нём собралось несколько десятков самых пахучих цветов. Риша сказал, что это «полотенце», чтобы вытирать мокрые руки.

На заднем дворе постепенно темнело. Уходящее за лес солнце прощально махало огненными лучами. Риша из-под скамейки, которая стояла возле стены дома, достал странное ведро с длинной ручкой — черпак. Из черпака варвар выудил самую неоднозначную вещь в жизни оборотня — мыло. Запах показался навязчиво сладким, с ярким оттенком

лаванды и небольшой травянистостью.

— Подержи полотенце, покажу тебе, как руки мыть.

Риша отдал пахучую льняную ткань оборотню, и у Чжао возникли воспоминания о кухонной тряпке. Оборотень кончиками пальцев взял полотенце, держа его на расстоянии от себя, что вызвало у варвара смешок.

Риша намочил руки в бочке, взял вонючее мыло и начал растирать его между ладонями. Появилась пена, которая покрыла рельефные ладони варвара. Мыло начало пахнуть только сильнее, заставляя оборотня сделать шаг назад.

— Да ты не бойсь! Согласен, воняет так, что глаза слезятся. Это наш алхимик эксперименты ставил, добавлял свою солому в простое мыло. До этого ягоды или апельсины добавлял и пахло получше. Эта дрянь сейчас так воняет, потом на руках полегче пахнет. Зато руки чистые и никакую гадость в рот не занесёшь! Черпаком набирай воду и потихоньку на руки лей.

Зачерпнув воду из бочки, Чжао медленно выливал её на руки варвара. Пена вместе с водой убежала с его рук на землю. С пальцев человека пропали зелёные отпечатки стеблей бадьяна, как и пыль деревянных цветков. Риша забрал полотенце, вытирая об него руки. Он неспешно протянул открытую ладонь к оборотню.

— Чувствуешь, что запах стал полегче?

Чжао аккуратно приняхался к ладоням Риши. Запах действительно изменился, что немного удивило. Оборотень

знал, что вода имеет свойство смывать запахи. Но тут она прибавала агрессивный аромат, делая его плавным и не навязчивым.

С первого раза помыть руки мылом не получилось. Оно оказалось скользким и сбегало из ладоней, падая в траву. Спустя несколько попыток Чжао удалось намылить ладони. В белой пене собрались светлые оттенки бадьяна — зелёные и коричневые. Каким-то невероятным способом мыло забирало всю грязь с ладоней. Прохладная вода из черпака смыла пену, сохранив лишь приятный оттенок лаванды.

Мыло с черпаком спрятались обратно под скамейку. Чжао тщательно вытирал руки об полотенце, вдыхая новые запахи. Теперь они казались приятными, а кожа ощущалась чистой. Риша хлопнул Чжао по плечу, но оборотень уже не вздрагивал, не показывал клыки и не отпрыгивал в страхе.

— Теперь ты чистый! Пойдём овощи нарезать! Сделаем лёгкий ужин, чтобы потом завтрак вкуснее и сытнее казался, — с улыбкой сказал варвар, возвращаясь в дом. Оборотень зашёл следом, плотно прикрывая за собой дверь.

Риша оставил оборотня на кухне, а сам прошёлся по первому этажу с огнивом и кремнем, разжигая фонари на стенах. Скрежет кремня оказался неприятно резким. От этого звука сводило зубы и хотелось по-волчьи прижать уши. Помещение осветилось тёплым светом небольших огней. Вернувшись на кухню, Риша положил на тумбу разделочную доску. Из небольшого погребка человек выудил овощи,

с грохотом закрывая деревянную крышку. Рядом с доской упали две заранее очищенные моркови.

— Я тебе сейчас дам нож. Он для овощей, немного туповат, поэтому не шугайся и не торопись. Нож — это не враг, а только инструмент! Видел, как люди в лесу деревья пилят? Тут точно так же. Справишься, ушастый?

Из выдвижного ящика тумбы Риша достал нож, положив его на доску. В отличие от ножей охотников, он выглядел совершенно иначе — рукоятка пошарпанная, лезвие блёклое. Резкого металлического или кровавого запаха не было.

Оборотень понял принцип нарезки овощей. Он уже видел, как люди орудуют пилами в редком лесу около города. Нож — это пила, а морковь — сосна. Чжао взял нож за рукоять. Тупое лезвие потянуло кисть вниз непривычной тяжестью. Прижав морковь к разделочной доске и поджимая пальцы, оборотень начал неспешно резать твёрдый овощ. Из разреза открылся сладковатый морковный запах. Резка давалась нелегко. Морковь оказалась плотной, и пришлось применить силу. Плод приятно хрустел под лезвием, и первый кривоватый круг с глухим стуком упал на доску. Второй разрез получился менее косым, морковный круг резво покатился по кухонной тумбе, но его успел перехватить Риша.

— А ты молодец, быстро учишься! — варвар рассматривал отрезанный кусок моркови. — Немного практики и станешь моим первым помощником по кухне!

Риша положил морковь на доску и вернулся к своей на-

резке других овощей. С его стороны пахло сладостью перца и травянистостью знакомой капусты.

От слов человека в груди потеплело — пришла упрямая решимость разобраться с овощами. Ухватившись покрепче за нож, оборотень дорезал первую морковь. Круги получились разными по толщине, разрезы разбегались в стороны, но это не имело значения. Впервые тяжёлые мысли о прошлом ослабили хватку. В груди приятно щекотали новые чувства — тяга к исследованию, интерес. Хотелось узнать больше об этом новом мире: попробовать его, не упустить ни один запах, увидеть то, что прежде скрывалось за стеной из деревьев. Он не давал страху себя захватить.

Ручка двери слегка скрипнула. Но звук был не со стороны заднего двора. Он был спереди, возле камина, откуда ранее звуков ещё не было. Оборотень уловил в воздухе знакомый запах мокрого мха и смолы, перемешанный с лесными растениями и землёй.

Дверь тихонько открылась. В дом зашла знакомая низкорослая фигура в тяжёлой тёмной мантии, припорошённая дорожной пылью и мелкими травинками. Фигура закрыла за собой дверь и с усталостью стащила с плеч глубокую корзину, доверху набитой разнообразной зеленью. Корзина тяжело плюхнулась на пол, лямки устало повисли. С горки зелени на пол упало несколько травинок и цветков. Бледные руки стянули капюшон — вернулся Фаша.

— О, кто тут объявился! — шутливо, поддевая эльфа, за-

говорил Риша. — Мы тут без тебя не скучали! Готовимся к ужину, как видишь, и надеюсь, что ты поешь в каком-то веке! Смотреть уже на тебя больно, скоро одежда как на пугале будет висеть. Рассказывай, где пропадал?

Фаша взглянул на Чжао и на уставшем лице мелькнула едва заметная улыбка. Ухватив корзину за лямки, эльф протащил её к своему дубовому столу со склянками. Чжао прищелкнул к эльфу. Из-за воздушной одежды сложно сразу понять, что он излишне худой. У светлой рубахи слишком округлые рукава. Худощавость выдавали кисти эльфа — они были слишком тонкими с выпирающими костяшками. Широкие тёмные штаны скрывали его ноги, но на щиколотках они аккуратно подвязаны. Обхват эльфийских щиколоток был намного тоньше крупного запястья варвара. На ступнях были короткие сапоги.

— Не откажусь от ужина, — попутно отвечал эльф. — Заходил в город по делам. Сходил до леса и собрал немного трав.

— Немного?

Риша обернулся и посмотрел на забитую корзину, откуда на пол упало ещё несколько жёлтых цветков одуванчика, прихвативших за собой веточки зверобоя.

— Удивительно, что ты вообще это дотащил и по дороге не рассыпался. Есть какие новости из города? Ушастый, тащи сюда морковь!

Варвар вернулся на кухню, скидывая нарезанные овощи в

неглубокую чугунную кастрюлю. Чжао с гордостью скинул в посудину свою нарезанную морковь. Краем глаза оборотень повнимательнее посмотрел на человека. В отличие от эльфа, одет Риша куда проще. Рукава болотной рубахи закатаны до локтя. Рубаха казалась маловатой: ткань туго натянулась на плечах и широкой груди. Штаны оттенка тёмной коры сидели свободнее и заправлены в высокие кожаные сапоги.

Глухой стук брёвен. Скрежет кремня по огниву, вызывающий мурашки по спине. Первый этаж постепенно заполнялся приятным запахом костра и тушёных овощей.

Глаза вновь приковал к себе эльф. Запах человека порой менялся, но от эльфа оставался постоянный запах мха и смолы. При первой встрече этот запах был ярким, а сейчас он более приглушённый. Оборотень потихоньку понимал природу варвара, но эльф оставался загадкой.

— Ничего интересного. В жилом районе небольшая вспышка простуды, — попутно отвечал Фаша. Неслышными шагами он дошёл до шкафа, стягивая с себя тяжёлую мантию. Дверцы шкафа открылись. Изнутри повалил яркий запах лаванды. В шкафу стояла высокая плетёная корзина, забитая сушеными фиолетовыми цветами. Мантия повисла на металлическом крючке и спряталась за закрывающимися дверцами.

— Смотри заразу сам не подхвати. И нам сюда не притащи! Не хочу соплями хлопнуть или подтирать их!

В кастрюле глухо застучала деревянная ложка, перемери-

вая овощи.

— Ты любую болезнь отпугнёшь, Риша, — парировал эльф. Фаша вернулся к своим травам. Доставая с полок почти пустые склянки, он расставил их на дубовом столе. Новые растения неспешно заполняли пустое пространство в банках.

Чжао мгновенно вспомнил, как рассматривал вблизи все эти банки. Как его взгляд задерживался на кусочках пергамента с неизвестными буквами. Интересно, эльф мог бы научить его понимать эти буквы? От этих мыслей стало неловко. Эльф вернулся уставшим, и почему-то казалось, что спрашивать про буквы будет не совсем правильно. Но любопытство оказалось сильнее.

Чжао внимательно оглядел помещение, пытаясь найти способ подхода к аптекарю. Оборотень вспомнил про упавшие одуванчики. Он быстро подошёл к входной двери, огибая кухонную тумбу и обеденный стол. Аккуратно подняв одуванчики, Чжао взглянул на затылок эльфа, — по его спине разбросались слегка спутанные светло-русые, почти пшеничные, волосы. В груди неожиданно заколола боязнь. Что, если Фаша откажет? Или посмотрит с недоумением, будто оборотень спросил что-то нелепое? Воображение разыгралось в плохую сторону, вырисовывая картинки эльфийского лица с эмоциями отвращения и надменности.

Чжао крепко зажмурился, прогоняя плохие мысли. Убеждал себя, что Фаша не способен смотреть на кого-то свысока.

Он же целитель и помог почти мёртвому волку, не прося что-то взамен. Если откажет, то в этом нет ничего страшного. Чжао попробует найти другой способ научиться читать. Глубоко выдыхая, оборотень расслабил плечи и шею. Открыв глаза, он твёрдо подошёл к эльфу, оставляя переживания за спиной. Чжао протянул раскрытые ладони с одуванчиками. Пальцы чуть дрогнули, но он тут же сжал их крепче, боясь показать слабость.

Фаша неспешно обернулся на оборотня.

— Спасибо, Чжао, — ответил эльф, забирая растения с ладони оборотня.

— Фаша, — оборотень запнулся на секунду, но всё же смог справиться с силами. — Хочу понимать, что написано на банках, а не только нюхать. Научишь меня читать?

Обратного пути нет. Но стягивающая боязнь не ушла. Она неприятно ковыряла грудную клетку. Оборотень выжидающе смотрел на Фашу, пытаясь сохранить ровное дыхание. Изучающие глаза эльфа остановились на немигающем взгляде Чжао, словно пытаясь понять искренность слов дикого зверя. Секунды мучительно тянулись. Хотелось обратиться в волка и свернуться в клубок, пряча морду в шерсти хвоста.

На губах эльфа появилась лёгкая улыбка, которая впервые задержалась на его лице.

— Хорошо, я тебя научу читать. Завтра утром разучим первые буквы перед завтраком.

Ответ эльфа молниеносно отбросил всю боязнь и пережи-

вания, словно холодная вода смыла густые плохие мысли. В груди стало легко. Радость приятно затрепетала и вызвала улыбку на смуглом лице оборотня. Получилось перешагнуть через страх, который приблизил его к пониманию этого мира.

После готовки дом наполнился пряным запахом тушёных овощей с тимьяном и розмарином. Проскальзывали мягкие ароматы чеснока, которые не вызвали отвращения, как в первый раз. Оборотень уже увереннее обращался с ложкой, и овощной сок не пытался ускользнуть. Он с интересом слушал, как Риша ворчал на пересоленные овощи и на эльфа, так как тот мало ест. Фаша только тихо улыбался в ответ. Усталость уходила. Голова приятно гудела от насыщенности дня.

К ночи дом затих, оставив едва уловимые шорохи. Весенний ветер за стенами, похрапывания варвара и лёгкий звон банок аптекаря. Чжао уснул быстро, голову не тревожили кошмары и плохие мысли. А когда первые лучи солнца пробрались в его комнату, он уже в предвкушении нового дня сидел на краю кровати.

Опустив голову, оборотень увидел жирные разводы супа и овощей на штанах. Насколько он помнил, в шкафу ему оставили одежду. Встав с кровати, Чжао открыл дверцы старенького шкафа. На полках лежали аккуратно сложенные вещи. От них пахло знакомым душистым мылом с оттенком слад-

ких ягод. Оборотень вспомнил слова Риши, что эльф ставил эксперименты с мылом и сначала это были цитрусы и ягоды.

Сначала Чжао вытащил хлопковую рубашу приятного молочного цвета. Озадачила только шнуровка. Чжао попытался вспомнить, с какой именно стороны она должна быть — спереди или сзади? У варвара была спереди. Значит, оборотень наденет также. Следующими Чжао достал штаны цвета зелёной оливы из льна. На них были слегка стёрты колени, поэтому догадаться, как их правильно надевать, труда не составило.

Чжао решил для начала переодеть штаны. К его удивлению, это получилось с первого раза, и он не застрял в них. Проблемы начались на рубаше. Руки запутывались в ткани либо попадали не в те отверстия одежды. Спустя время наконец-то удалось с ней разобраться. И шнуровка удачно оказалась спереди. Он не знал, как правильно завязывать шнурки, поэтому решил их немного подтянуть. Одежда всё ещё сковывала движения, но вместе с ней появилось странное ощущение защищённости. В дверь громко постучали и заглянул Риша:

— Теперь ты оборотень, умеющий правильно одеваться! — варвар хрипло посмеялся, на что Чжао тихо фыркнул, пряча улыбку.

Риша ушёл из дома со словами, что ходит до местной фермы за куриными яйцами и свининой на завтрак. Сырая свинина оборотню никогда не нравилась, но появилась уве-

ренность, что поджаренная свинина окажется вкуснее. Фаша уже сидел за пустым обеденным столом с небольшой стопкой пергамента и двумя перьями. Эльф поглощённо изучал книгу, в которой что-то выводил своим пером.

Выйдя на задний двор, Чжао быстро умылся. Мыло в этот раз ему поддалось, выскользнув из ладоней только один раз. Перед дверью оборотень задержался, глядя на далёкий лес. Он уже не так сильно отягощал мысли, но тоска на душе не пропадала. Чжао вспомнил своего наставника, который, возможно, всё ещё лежал там в холодном одиночестве. Мотнув головой, прогоняя мрачные мысли, оборотень решил для себя, что обратится к Рише за помощью. Риша поймёт, как важно для волка отдать земле тело старшего.

Войдя в дом и прикрыв за собой дверь, оборотень подошёл к эльфу. Чжао тихо сел на соседний стул, где обычно сидит Риша.

Эльф отложил книгу в сторону. Оборотень успел заметить в книге красочные картинки растений, которых он ранее никогда не видел. Рядом с картинками были красиво выведены буквы. Фаша положил два чистых листа пергамента на стол и перо, ближе пододвигая банку с чёрной жидкостью. Из банки пахло смолой и лёгким металлом. Окунув кончик пера в баночку, эльф вывел на своём пергаменте две крупные буквы. Первая была тоненькой и изящной, её линии мягко закруглялись. У второй буквы линии были прямыми.

— Это самая первая буква — «А», — мягко говорил эльф.

Фаша в ожидании смотрел на оборотня. Он понимал, что Чжао нужно время для самостоятельного изучения. Оборотень наклонился к пергаменту поближе. Он всматривался в букву, пытаясь инстинктивно её понюхать:

— Похоже на след когтей на дереве, — бормотал оборотень. — Только красивее, как будто облако.

— Да, очень похоже. Если увидишь такой знак — это буква «А».

Оборотень вспоминал новые слова и вещи, которые он успел изучить за эти пару дней.

— «АптекаА», «Алхимик», «РишА», «рАгу», — оборотень её чувствовал, ощущал среди других незнакомых букв. Фаша с лёгкой улыбкой кивнул, подтверждая, что Чжао всё верно понимает.

Эльф постепенно выводил ещё три новые буквы на пергаменте в двух вариантах — витиеватом и простом.

Буква «Б» вибрировала в горле и напомнила пушистых овец, которые Чжао видел на лугах. С этой буквой был связан «Бадьян» и «Банки». «В» легко слетала с языка и похожа на бабочку, сложившую свои крылья. Чжао слышал её в словах «умыВаться» и «одуВанчик». И последняя буква на этот день — «Г», похожая на летящую в небе птицу. Чжао вспомнил сложное слово от Риши — «Гхоора».

— Ты хорошо чувствуешь буквы.

Бледная ладонь указала на лежавшее перо и пустой пергамент перед оборотнем.

— Окуни кончик пера в чернила и попробуй вывести новые буквы.

Оборотень взял перо пальцами, и оно показалось очень хрупким и невесомым. На кончике пера плоская пластинка из металла, отдалённо напоминающая стрелу охотников, но оно не острое. Обмокнув кончик пера в чернила, Чжао снова внимательно осмотрел его. Чернила задержались на пластине в ожидании, когда их перенесут на бумагу.

Коснувшись пером пергамента, чернила из пера вылились в чёрную лужу. Это было похоже на грязную лужу после кухонной тряпки.

— Ничего страшного. Перо очень лёгкое, не дави на него, — голос Фаши успокоил нарастающую панику.

Оборотень снова окунул перо и очень аккуратно провёл им по бумаге, пытаясь не применять силу. Под пером появилась чёрная линия. Не такая изящная, как у Фаши, но это его первая линия.

Чжао пытался повторить буквы с пергамента эльфа. Первые две попытки были похожи на мокрые размытые следы в дождь. Чернила растекались, пару букв смотрели не в ту сторону.

— Не торопись, попробуй ещё раз, — говорил эльф. Чжао чувствовал опору со стороны целителя. Фаша позволял ему совершать ошибки и учиться на них.

Следующие попытки выходили чуть лучше. Буквы смотрели в нужные стороны, но линии были грубыми и обрыви-

стыми. Порой перо спотыкалось о волокна пергамента, разбрызгивая чернила, и буквы растекались в разные стороны. Он уже не боялся этих ошибок. У него получилось вывести свои первые четыре буквы. Теперь он их знал и понимал.

— У тебя хорошо получилось. Можешь взять пергамент и перо с чернилами себе, — сказал эльф с едва заметной улыбкой, смотря на оборотня.

Чжао немного смутился, но радость всё равно пробивалась наружу. Теперь он сможет сам ещё раз попробовать написать буквы и найти их на банках с травами алхимика.

— Когда ты ещё сможешь рассказать про новые буквы?

Фаша ненадолго задумался, пробегаясь глазами по полке с лекарствами и настоями. Чжао обратил внимание, что полка пополнилась новыми бутылками. На них были цифры и надписи. В некоторых написанных словах он узнал новые буквы — А, Б, В и Г.

— Через пару дней, — ответил эльф. — Выучи эти буквы и на следующем уроке напишешь их снова пером, но уже без подсказки.

Оборотень с воодушевлением ждал предстоящего урока. Он потратит эти вечера на практику, чтобы запомнить свои первые буквы и написать их без ошибок. Однажды он прочтёт целую надпись.

Чжао унёс свои новые письменные принадлежности к себе в спальню на второй этаж. Он аккуратно сложил их на

свободную полку в шкафу.

Задержавшись возле исписанных пергаментов, грубоватые пальцы с шорохом прошли по чернильным буквам и разводам. Чжао ощутил горько-сладкие чувства в груди. Словно громовые тяжёлые тучи наконец-то начали уходить, уступая место светлому голубому небу. Урок с аптекарем подарил ему небольшую долю детского счастья. Так он ощущал себя рядом с наставником, который вырастил его, обучал охоте, делился мудростью лесной жизни и наставлял по пути клыков.

Чжао убрал пергамент в шкаф и закрыл дверцы. Он не пытался прогнать грустные мысли. Он их принимал на своём новом уровне жизни.

К этому времени домой вернулся Риша и уже активно хозяйничал на кухне, откуда поднялся привычный запах горящего дерева. На чугунной сковороде зашипели разбитые яйца и ломтики жирной свинины, пробуждающие аппетит сочными ароматами. Теперь Чжао понимал фразу варвара, что ужин должен быть лёгким.

Спускаясь вниз по лестнице, оборотень услышал звон склянок. Эльф с полок собирал некоторые бутылки с надписями и складывал в небольшую корзинку.

Дойдя до последней ступени, Чжао остановился и оглядел первый этаж, где начинала кипеть жизнь нового дня. И он станет её частью.

— Начитался, учёный? — заговорил варвар, переводя

взгляд от сковороды на оборотня. — Бери две тарелки и две вилки. Поможешь стол накрыть! Вилка похожа на ложку, только у неё три зубца.

— Две? — переспросил оборотень. Может читать он не умел, но счёту его наставник научил. В доме точно три существа.

— Да. Наш аптекарь опять по делам убегает.

Варвар ловко управлялся длинной плоской лопатой, переворачивая куски мяса и белое яйцо с желтком.

Чжао быстро узнал нужные деревянные тарелки на кухонных тумбах, подхватывая их в одну руку. В выдвижном ящике тумбы нашлись и знакомые приборы — ложки, тяжёлые ножи и вилки. Вилка напоминала фермерские вилы, которыми переносят стог сена. Оборотень предположил, что вилкой нужно пользоваться так же, как вилами. Захватив две вилки с собой, Чжао подошёл к обеденному столу, расставляя со стуком тарелки и вилки.

Взгляд невольно снова остановился на эльфе возле шкафа с лекарствами. Руки Фаши бережно доставали бутылки с задних рядов. Жидкость внутри склянок отличалась по цветам. Карие глаза оборотня с интересом разглядывали надписи с уже знакомыми буквами. Мокрый мох со смолой едва пробивался через густой запах жареной свинины и яиц, предвещаая очередной уход аптекаря из дома.

— Почему ты не остаёшься на завтрак? — аккуратно спросил оборотень, подходя к полке с зельями.

— Я нечасто завтракаю. Постараюсь вернуться к ужину,
— едва слышно ответил эльф.

— Значит нам больше достанется! — голос Риши прозвучал низко и шершаво.

На стол с глухим стуком легла тарелка с нарезанным хлебом и запахом горячего пшена. Деревянная ложка глухо застучала по старой сковороде, разделяя еду на две порции.

Фаша накинул на себя мантию, волной обдав комнату сладостью лаванды. Тяжёлая ткань крупными складками легла по его плечам, капюшон скрыл его голову. Подхватив корзину с бутылками, он скрылся за входной дверью, пожелав напоследок приятного аппетита. Риша только недовольно цокнул, смотря вслед товарищу.

Чжао ощущал некоторую загадку в воздухе, недосказанность. Но не совсем понимал от кого именно.

— Фаши постоянно не бывает в аптеке? — спросил Чжао, отправляя кусочек свинины в рот.

— Не, не всегда, — отвечал Риша. — Весной и осенью крутится как белка в колесе. Зато зимой и летом чаще в аптеке торчит, что не выпнешь. Вечно какую-нибудь дрянь варит!

До летнего периода оставалось не так много дней. Значит, скоро существа перестанут болеть, и Фаша будет чаще проводить время дома? Чжао сможет посмотреть поближе на работу аптекаря и узнает, как создаются лекарства. От этих мыслей настроение немного поднялось.

Завтрак прошёл спокойно с тихим довольным чавканьем. Жареная свинина действительно оказалась вкуснее. Прежде яиц и хлеба оборотень не ел. Это был его первый опыт знакомства с такой едой, которая вкусно дополняла обжаренное мясо. Небольшой порции оказалось достаточно, чтобы насытиться.

Солнце высоко встало в небе, освещая зелёные просторы вокруг аптеки тёплым светом. Оборотень сидел на скамейке заднего двора, помогая Рише помыть посуду. Это было похоже на мытьё рук, только намыливать нужно тарелку грубой тряпкой, пропитанной душистым мылом. Варвар сидел рядом и оттирал сковороду, что-то напевая себе под нос. Его пение не было похоже на мелодичное щебетание птиц, но завораживало не меньше. Словно плеск бурной реки, омывающей прибрежные камни. Казалось, что звуки рождались не в горле, а где-то глубоко в груди варвара, придавая мелодии особую силу и глубину.

Обдав последнюю тарелку водой из черпака, Чжао положил её к другой посуде, которая высыхала на полотенце, разложенном на траве. Из-за невысокого забора выглядывал лес. Заманивал к себе. Напоминал о своём существовании. Чжао вновь вспомнил своего наставника и о том, что хотел попросить Ришу о помощи. Перед огромным варваром, чьи руки способны переломить дерево, Чжао не чувствовал такого страха, как перед аптекарем, что с трудом принёс на себе корзину лекарственных трав.

— Слушай, Риша, — начал было оборотень, но речь почему-то запнулась. Дело было не в страхе перед человеком. Слова застряли в горле от мысли о прошлом, из чьих цепких когтей его вытащили. И сейчас он намеревается снова вступить в прошлое, хоть и ненадолго.

— Чего тебе, ушастый?

Варвар бросил измученную чистую сковороду к другой посуде.

Оборотень сделал глубокий вдох, расслабляя шею и отсчитывая постукивания глиняной чаши эльфа.

— Хочу найти в лесу наставника. Хочу отдать его тело земле.

Варвару не требовалось времени на раздумья. Он не стал взвешивать опасные риски. Риша поднялся на ноги, в лице и голосе читалась твёрдая решимость.

— Упокоим душу твоего наставника!

Сборы много времени не заняли. Риша надел свой кожаный пояс и закрепил в петлях громоздкий топор, под стать такому крупному человеку. Варвар доверил оборотню нести лопату, чтобы было удобнее копать плотную влажную землю леса.

В сторону леса варвар и оборотень вышли с заднего двора через калитку. Отходя всё дальше от аптеки по протоптанной тропе, Чжао немного замедлился. Он обернулся на дом алхимика, аккуратно вышагивая назад. Аптека чем-то напо-

минала пень в лесу, который порос лозами и грибами. И на крыше этого живого пня свили гнездо две сойки. Двухэтажное здание аптеки постепенно отдалялось и становилось всё меньше. Она казалась уединённой, вдали от соседних домов, что стояли поодаль. Интересно, пахнет ли в других домах так же тепло, как в аптеке? Есть ли в них высокие шкафы, где стоит корзинка с лавандой?

По правую руку были видны ещё более мелкие дома местных деревушек и ферм, вокруг которых всходили весенние посевы. Вдалеке высились городские стены. Эти каменные стены напоминали скалистые горы, в которые подступал густой лес. Чжао бывал в тех горах, когда укрывался от сильных осенних ливней. Но никогда не рисковал зайти слишком глубоко в скалистые расщелины и тем более пещеры, где могли жить медведи.

Развернувшись снова к лесу, оборотень быстрым шагом нагнал человека. Волосы Риши, собранные в тугие косы, и борода на ярком солнце выглядели как рыжая грудь лесной зарянки. Топор на поясе блекло поблёскивал. Он не был похож на обычные топоры лесорубов. Сам металл имел глубокий тёмно-серый оттенок с синим отливом, а у основания лезвия по дуге были нанесены рельефные угловатые узоры. Рукоять из твёрдой древесины была более крупной, на ней выжжена ревущая голова медведя. Чжао этот топор понравился — варвар Риша в нём по-своему узнавался.

— Нравится, а? Фаша подарил, когда мы жили на гномьих

землях. Мне тогда восемнадцать лет исполнилось. Я ему все длинные уши прожужжал о том, как хочу собственный топор. Видать, даже у терпеливых эльфов есть свой предел! — Риша с теплотой рассмеялся.

— Красивый подарок, — ответил оборотень с улыбкой.
— Почему вы ушли с земель гномов?

— Понимаешь, ушастый, гномы — народ очень упёртый и вредный, они в шахту и пиво верят больше, чем во всё остальное. С этими правилами была не согласна одна гномиха, дочь какого-то богатого клана, что шахты держали. У них тогда в шахте переполох случился: они нарыли какой-то мох или грибы ядовитые, весь ярус спорами накрыло, его потом в итоге-то завалили. Добрая часть рабочих слегла с язвами и отравлением от этих спор, а вылечить их не могли. Так эта гномиха увязалась за Фашей и просилась в ученики, хотела алхимии учиться и бурду варить для рабочих, чтобы не болели. Вот наш алхимик и согласился. Они вдвоём кислятины наварили и гномов на ноги поставили. А рабочие поняли, что к чему, и взбунтовались: в шахте смерть сидит и они туда ни ногой. О, такой шум поднялся из-за этого! Вот только досталось не рабочим, а гномихе и Фаше. Гномихе-то быстро пощёчину влепили и отправили на перевоспитание к старым гномам, а Фашу обвинили в «подрыве рабочей дисциплины».

Риша откашлялся и продолжил историю:

— Гномиха-то баба боевая оказалась, утекла от стариков

к Фаше и рассказала, что рабочих насильно заставили в шахты вернуться и наняли новых, заставив всех молчать. Да вот гномы пропадать стали, семьи не могли их найти, а клан отнекивался только. Я случайно нашёл их в квартале бедных калек. Страшное зрелище, ушастый. Этот богатый клан выделил помещение для рабочих, как временный дом, там они и сидели. Гнили заживо от отравления! Работали и гнили, чёрт их!

Чжао невольно передёрнуло. Воображение само накинуло на слова Риши картинку: тёмные сырые углы, тяжёлое дыхание и запах гнилой плоти. Нос не чувствовал затхлости, но в горле словно застрял ком чего-то едкого и горького.

— Гномы... сидели и ждали? — чуть дрожащим голосом спросил Чжао, опасаясь худшего в этой истории.

— Да. Их заперли как больных зверей. Фаша с гномихой вылечили кого смогли, но многие умерли в этом деревянном гробу. Гномиха против семьи пошла, тоже бунтовала и грозилась всем рассказать правду. Гномиху под замок кинули, чтобы к эльфу не подходила и в делах семьи не рылась. А нам с Фашей прямо сказали — кому что скажем, нас потом мёртвыми в канаве найдут. Вот так мы и ушли с этих земель, потому что молчать не умеем. Остались бы — точно бы умерли в бою за правду. Через год мы получили письмо от гномихи, что она опасную шахту смогла прикрыть. Вот он — настоящий огонь в груди. Не просто горит, а полыхает!

Оборотень судорожно выдохнул. У этой плохой истории

оказался хороший конец, но ценой очень страшных жертв. История Риши была не просто мрачной — это был густой ночной туман, где свет делает тени только острее. И самое страшное то, что рука, которая должна была поддержать, вместо этого вонзает нож под рёбра.

— Вы общаетесь с той гномихой? — Чжао попытался увести диалог в другое русло.

— Она теперь шахтой управляет, ей не до любезностей в письмах. Насколько знаю, они с Фашей раз в пару лет травами обмениваются через кочевых эльфов. Он ей местные растения отправляет, а она всякие грибы подземные.

— Ядовитые? — на секунду Чжао стало не по себе.

— Мне ещё в доме ядовитых грибов не хватало! Нет, там какие-то лекарственные грибы.

Постепенно Риша и Чжао углублялись в лес. Ветви плотными узорами переплетались над их головами, не давая солнцу осветить землю под ногами. Босые ступни постоянно путались в корнях и плюще. Влажный воздух неприятно прилипал к коже. Но в воздухе чувствовались знакомые и родные запахи — почва со свежей травой, мокрая древесина и смола. Варвар передвигался рядом спокойно: обувь не позволяла ногам запутаться в зелёных сетях растений.

Попутный диалог перестал быть мрачным. Они общались о простых вещах. Риша рассказывал о том, как из-за Фаши и его алхимии ему пришлось научиться читать. И это привело человека к маленькому увлечению — читать книги о

путешествиях. Чжао это увлечение понравилось. Ему уже не терпелось прочитать первую в своей жизни книжку.

Разговор резко прервался, когда они вышли к земляному оврагу. Это был не просто склон под деревьями. Одно-го взгляда на него хватило, чтобы всё тело напряглось. Тут Чжао прятался от охотников, истекая кровью. И земля всё ещё сохранила багровый оттенок его утасяющей жизни.

Оборотень выронил лопату и вцепился в корни деревьев, быстро забираясь на верхушку оврага. Он рванул со всех ног по собственному кровавому следу, не разбирая дороги. Грудь рвал не страх прошлого, а ледяной ужас от мысли, что он не обнаружит наставника и у этой маленькой истории не будет хорошего конца. Риша бежал следом и что-то кричал, но Чжао его уже не слышал. Нос жадно ловил старые запахи — кислый пот, ржавчина, кровь и мокрая шерсть. Ветки и кусты царапали тело. Воздух становился тяжёлым. Босые ноги поскальзывались на влажной земле.

Чжао остановился. Он нашёл это место. В густых зарослях колючей дикой малины Чжао заметил выпцветшую чёрную шерсть. Судорожно дыша, оборотень подошёл ближе. Сердце с каждым шагом билось всё сильнее, словно пыталось сломать рёбра и убежать. Ухватываясь руками за шерсть волка, Чжао вытащил бездыханное холодное тело.

Он нашёл наставника.

Чжао сел на колени около наставника. От него ещё исхо-

дил родной запах шерсти. Дрожащие руки наконец-то успокоились, когда легли на массивное плечо волка. Чжао вспоминал, как был всего лишь напуганным щенком, что скитался по лесу и искал, куда спрятаться. Проходящие мимо стаи отвергали чужое дитя и прогоняли со своего пути. И только один волк остановился рядом, подхватил зубами щенка за шкурку и забрал в свой дом. Лишь благодаря наставнику, Чжао всё ещё жив.

Чжао услышал, как Риша догнал его сзади и попытался отдышаться. Лопата глухо упала на землю. Риша не ворчал и не встречал в его безмолвный диалог с наставником. Сейчас тишина не была больно по душе, она дала возможность попрощаться и отпустить тяготы прошлого. Волк, в чьей шерсти уже не было блеска молодости, проводил Чжао в новую жизнь, отдав взамен свою. Это была жертва в этой истории. Густая тоска окутывала душу, но теперь стало намного легче дышать.

Тяжёлая рука Риши крепко сжала плечо Чжао. Пора поставить точку в этой истории.

Риша предложил похоронить наставника под малиной. Он рассказал, что малина обладает целительными свойствами, хоть и скрыта под колючими ветвями. Это были знания Фаши, которые варвар когда-то запомнил. Чжао согласился.

До самого вечера они копали сырую землю. Риша впервые увидел, как Чжао обратился в крупного волка, и в его взгляде не было тени страха. С двумя руками и двумя крупными

лапами они справлялись быстрее.

Волчье тело легло на дно ямы и постепенно скрылось под землёй. Чжао, обратившийся в волка, некоторое время пролежал возле свежей могилы, тихо поскуливая. В мыслях текли воспоминания: наставник хвалил маленького щенка за первого пойманного кролика, рассказывал легенды, показывал местные окрестности леса, обучал бою, готовил к ритуалу на вожака, и даже после изгнания оставался рядом. Варвар, собрав несколько плодов с куста малины, положил их у изголовья свежей могилы и тихо пожелал наставнику вечно-го покоя.

По пути обратно Чжао принял свой человеческий облик, к которому уже начал привыкать, и погрузился в свои мысли. Лес его больше не пугал — деревья не казались страшными монстрами с когтистыми руками, а кусты не выглядели как цепкие ловушки. Теперь Чжао понимал, что на самом деле боялся одиночества. До этого в его жизни не было никого, кроме наставника. И тогда он бежал не от охотников, а от правды, которую прятал даже от себя. Через внутренние терзания правда вышла наружу. Теперь в душе всё встало на места, прямо как склянки алхимика. Чжао всё подписал своими буквами.

В аптеку они вернулись к позднему вечеру, сохраняя тишину. Из-за двери слышались привычные постукивания глиняной чаши, пахло одуванчиком, мокрым мхом со смолой и костром.

Ступив на порог этого маленького деревянного помещения, Чжао ощутил горькое, но очень приятное чувство тепла. Он вернулся домой.

По наставлению эльфа Риша и Чжао отправились отмыться от лесной земли в бочку с водой, утеравшей свою прохладу за пару тёплых дней. Оценив чистоту рук, оборотень взглянул на свои босые ноги, к которым налипла уже подсохшая глина. Понимая, как важна чистота и порядок в доме, оборотень окатил несколько раз ступни водой. Лесная земля отваливалась кусками, прячась в низкой траве заднего двора.

— Завтра придётся воды натаскать, — тихо бурчал варвар, оценивая уровень воды в деревянной бочке. — За ночь одна трудолюбивая белка точно стаскает остатки на свою жижу.

— Можно с тобой? — спросил с энтузиазмом Чжао.

— Нужно, ушастый! Сходим на реку сначала, а потом и до колодца, — с усталой улыбкой отвечал хрипло варвар. — Жрать-то хочешь?

Оборотень только покачал головой. Он тоже всем телом чувствовал усталость этого дня, поэтому аппетита не было.

— Тогда Фашиной соломы заварю, чтобы спалось лучше, — с этими словами варвар ненадолго скрылся за дверью дома.

Тяжёлые шаги. Что-то звонкое стукнулось об тонкий полый металл. Варвар вернулся с очередной чудной посудой.

Она была похожа на глубокую кастрюлю, но с длинным носом, как у муравьеда, и крышкой. Риша объяснил, что это чайник. В нём нужно кипятить воду, чтобы она очистилась от заразы, и тогда можно уже пить или травяное «варево» заварить. Массивная рука занырнула в полупустую бочку, зачерпывая чайником воду.

Риша оставил оборотня наедине, прикрыв за собой дверь дома. Из приоткрытой двери по траве плавно танцевал свет от костра.

День постепенно шёл к ночи. Над головой поднималась луна, окутанная тысячью мерцающих звёзд. Оборотень заворуженно рассматривал звёздное небо, выискивая самую яркую — Полярную Звезду. Наставник рассказывал, что Полярную Звезду держит Большая Медведица и она помогает вернуться домой, если заблудился. Искать долго не пришлось: в эту ночь звезда светила особенно ярко.

Ночной воздух казался лёгким и свежим. Из приоткрытой двери доносились знакомые запахи дома. Чжао краем уха слышал, как эльф и человек разговаривали об их походе в лес. Было слышно, как утробно булькает вода в чайнике. Как тяжёлые шаги сутились по кухне. Вода разливалась в три кружки. Появился новый запах — пряно-травянистый с яркостью сладкой ягоды малины.

Поднявшись на ноги, Чжао зашёл в дом. Стопы приятно согревал пол дома. За столом сидел эльф, держа в руках кружку. Он пил напиток тихо, маленькими глотками. Варвар

шумно остужал свой напиток в посуде, удерживая её одной рукой. Оборотень прошёл на своё привычное место на диване. Он вдохнул интересный горячий запах из своей порции.

— Залпом только не пей, а то горячее, — пробурчал человек, громко сёрбая пряный напиток и с шумом выдыхая. — У эльфов это называется «чай»!

Следуя примеру, оборотень взял кружку в руки и подул на напиток. Он отозвался лёгкой рябью. Чай в кружке приятно согревал ладони, тёплый пар щекотал нос. Оборотень сделал первый аккуратный глоток. Во рту разлился травянистый терпкий вкус с оттеняющей сладостью малины. Тепло медленно заполняло всё тело. Расслабляло каждую мышцу, будто он снова принял лекарство аптекаря, только со сладким вкусом ягоды.

— Ты вернулся не тем, кого я видел утром, — произнёс эльф, едва заметно улыбнувшись. — Это хорошо.

Слова эльфа немного ошеломили. Чжао действительно изменился за эти несколько дней. Он больше не был тем, кто оказался загнан в угол. Каждый новый шаг давался ему крепче предыдущего. Это была не обычная вежливость от эльфа. Его приняли в эту маленькую стаю — теперь он член этой странной, но душевной общины. Оборотень склонил голову в ответ, принимая жест эльфа.

Перед сном оборотень переоделся в чистую одежду, сложив в угол комнаты грязные рубахи и две пары штанов. Ри-

ша сказал, что они завтра сходят на речку и постирают вещи, заодно смогут помыться сами.

Оборотень никак не мог уснуть, ворочаясь с одного бока на второй. Ткань простыней сминалась под его телом. Что-то тревожило Чжао ещё с самого леса. Тогда в лесу всё его внимание было сосредоточено на наставнике, и он не сразу уловил в воздухе изменения. Словно в лесу было что-то тяжелее, чем воспоминания о прошлом и прощания со старшим волком. Но что именно? Риша был с ним в лесу. Уловил ли человек эти незаметные изменения?

В этих размышлениях оборотень свернулся в клубок, крепко прижав к себе соломенную подушку. Он наконец-то смог уснуть. Во сне к Чжао пришёл наставник. Крупный волк сидел в ярких лучах солнца и тепло смотрел на своего маленького ученика.

Умываться по утру Чжао нравилось. Это похоже на ритуал, когда можно подумать о предстоящем дне. Вода смывала сонливость с лица и пробуждала аппетит перед завтраком. Пахучее мыло уже не так резко било в нос и не убегало из мыльных рук. Ощущая запах лаванды или смотря на её фиолетовые цветы, оборотень чувствовал некую связь с чистотой и порядком.

Риша доваривал ячневую кашу, а Чжао резал овощи к крупе — теперь уже уверенными кубиками. Морковь поделилась с кашей своим рыжеватым оттенком, перец добавил

сладости, а лук, как и прежде, горчи́л. Поэтому бледные ку-
сочки за завтраком оборотень убирал в сторону.

— Ты от аптекаря чем-то заразился? Он тоже лук не жрёт,
— раздалось ворчание варвара. За столом они сидели вдво-
ём. От Фаши в доме остался только едва различимый запах
мха и смолы.

— Лук горький, — отвечал оборотень, причмокивая слад-
коватой кашей. — А с чем кашу делает Фаша?

— Фаша? Кашу?!

Варвар немного удивился такому вопросу, после чего
громко рассмеялся.

— Я этого длинноухого к кухне не подпущу! Может он
и хорошо свою кислятину варит, но вот яйцо поджарить не
способен! Не жарь я тут мясо, он бы давно в кикимору пре-
вратился и жевал свои сушеные травы. У нас есть твёрдое
правило — я не трогаю его алхимическую лабораторию, он
не трогает кухню, — в словах варвара была привычная под-
дёвка в сторону эльфа.

Это немного удивило оборотня. Он смотрел на алхими-
ка, как на самого мудрого и старшего по стае. Эльф казался
всезнающим. Новая открытая черта сделала Фашу ближе по
духу. Значит, даже аптекарь способен совершать ошибки.

После завтрака Риша собрал грязную одежду и кухонные
тряпки в корзину. Оборотень взял чистые сухие полотенца,
грубую щётку и черпак с мылом с заднего двора. На реке
ему предстоял новый интересный шаг. Помимо чистых рук,

тело тоже должно быть чистым, чтобы не болеть.

Человек и оборотень начали свой путь по уже знакомой тропе через задний двор. Путь лежал в сторону редкого леса с обширными зелёными лугами, где к реке было подойти безопаснее, чем со стороны дикого леса. В густом лесу возле воды много земляных обрывов и затаившихся хищников, выжидающих жертву на водопое.

Низкая трава постепенно сменилась высокой — они зашли в поле, что лежало перед редким лесом. В воздухе стоял густой весенний запах. Медовый клевер, пряная ромашка и влажная зелень. Нос оборотня безошибочно выхватывал знакомые ароматы лаванды, густо цветущей возле деревьев. Все эти ароматы напоминали дубовый стол аптекаря и его тяжёлую корзину, доверху набитой разными растениями. Когда-нибудь он сможет застать на рассвете эльфа и предложить свою помощь в сборе трав. Своим нюхом он быстро найдёт нужные растения для лекарств. И сможет на себе тащить тяжелую корзину, чтобы эльф не «рассыпался», как когда-то сказал Риша.

Чжао обернулся, пытаясь взглядом найти аптеку. Высокая трава скрыла за собой всю окраину города, виднелась только высокая стена, из-за которой выглядывало каменное сооружение с развевающимися флагами.

— Риша, — обратился оборотень, — а у города есть имя?

— Ага, Ормангарт, — ответил варвар, жуя во рту длинную травинку.

— Реке и лесу тоже имя дали? — спрашивал Чжао, обращая глаза на толщу тёмного далёкого леса, перед которым уже виднелась спокойная река.

— Река Асманов и Заасманский Лес, — варвар усмехнулся. — Но эти длинные названия можешь аптекарю нашему оставить и законникам, а то об них можно язык сломать! Я реку Асманкой зову, а лес Заречьем или Чащей Асмановой.

Уши моментально уловили знакомый звук «А» — самой первой буквы. Оборотень вспомнил, что завтра его ждёт второй урок с новыми буквами. Интересно, сколько всего их в этом мире? Сможет ли он после второго урока составить своё первое слово? От всех этих мыслей в груди приятно защекотало от детской радости.

Риша и Чжао всё ближе подходили к Асманке. Солнце и небо отражались в широкой голубой воде. Река текла без спешки, с мирным шумом перекатывая маленькие камушки на неглубоком берегу. Вдалеке из реки выпрыгивали в воздух серебристые рыбы, вылавливая насекомых, и так же красиво уходили обратно под воду.

Чжао поставил черпак на траву и подошёл ближе, где вода обнимала гладкие камни. Ступив в тёплую Асманку, Чжао ощутил под ногами твёрдые маленькие гальки и мокрые песчинки, убегające между пальцами. Пахло водорослями, рыбой и далёкими лугами. Риша рассказал, что мытьё тела работает так же, как и мытьё рук. Только мыло надо держать крепче, чтобы река течением его не забрала. Грубой

щёткой трут кожу — так точно вся грязь отстанет.

Варвар, присев на корточки возле воды, довольно быстро намылил всю одежду. Он тщательно растирал щёткой ткань, где были пятна земли или еды, после чего скидывал её обратно в корзину. За это время Чжао уже успел стянуть с себя одежду и нырнуть в реку с головой. Плавать выходило не очень хорошо, поэтому оборотень слишком далеко старался не заходить.

Риша освободил мыло от ткани и отдал его оборотню вместе с щёткой. Чжао приступил к своему первому мытью с лавандовым мылом и щёткой. Ещё в дикой жизни оборотню нравилось плескаться в реке и потом обтирать шерсть об твёрдую кору деревьев. Чистота в новой жизни выглядела совершенно иначе. Из-за щётки пены было намного больше, но течение реки быстро её забирало. Грубая щетина жгуче скребла кожу, и это ощущение оказалось приятным. Странным образом оно расслабляло, словно стирало с тела всю усталость.

— Из Ормангарта сюда тоже мыться приходят? — спросил Чжао, подкидывая Рише из воды щётку и душистое мыло.

— Не, сюда мало кто приходит из-за Заречья, волков боятся, — Риша ловко поймал в воздухе мыло и щётку. — Городские на озеро ходят за городом.

— Ты не боишься волков?

— А чего их бояться? Сколько хожу сюда — только одного

волка и видел, которому пора из реки свои лапы вытаскивать и отогреваться. Дошло, ушастый?

На лице Чжао появилась довольная улыбка. Мыться мылом ему понравилось больше, чем обтирать шерсть об дерево или об землю. Выйдя из реки, Чжао почувствовал приятную свежесть по всему телу. Кожа словно освободилась от тяжести пыли, а нюх с новой ясностью уловил речные запахи.

Закутавшись поплотнее в широкое полотенце, оборотень по-волчьи помотал головой, разбрызгивая в стороны речную воду из волос. Варвар оказался прав, ему действительно было холодно после реки. Подойдя к Рише, Чжао уселся рядом на каменистый берег, скрестив ноги.

Глядя на Заречный лес, оборотень вспомнил вчерашний день. Наставник предан земле. От огромного ледника прошлого почти ничего не осталось. Теперь он может свободно дышать и не бояться идти дальше. Но кое-что его тревожило. И эта маленькая тревога исходила из глубины леса. Он не до конца был уверен в том, что именно ощутил в лесу. Это было что-то не природное, не лесное. Лес внешне не изменился — из него не выбегали бешеные волки или озлобленные орки. Чжао надеялся, что это была тяжесть прошлого, которая осталась в дикой малине.

— Ушастый, промоешь одежду в воде? Быстрее с этим закончим, быстрее домой потопаем.

— Выжимать как тряпку?

— Быстро учишься, брат! — Риша с улыбкой хлопнул

Чжао по плечу. — Прополощи только корзину и туда всё тряпье скидывай, а дома уже сушиться повесим.

Варвар поднялся во весь свой рост и направился к реке. Пока человек раздевался, Чжао заметил на его спине крупный шрам.

Оборотень, тщательно вытерев себя полотенцем, без проблем смог надеть рубаху и штаны. Нос улавливал луговые запахи, которые теперь исходили не только от одежды, но и от его кожи и волос. Взглянув на свои босые ноги, Чжао подумал, что стоит попробовать надеть обувь.

Чжао промывал одежду, внюхиваясь в ткань, пока запах мыла не сменился чистым запахом реки. Вода и пена стекли из корзины. Оборотень несколько раз выжал каждую вещь, пока из ткани не перестала течь вода мутными струями, сменившись редкими чистыми каплями. Вылив воду из корзины, Чжао аккуратно сложил в неё влажные рубахи и штаны. И на миг замер, прислушиваясь к себе. Ни запаха грязи, ни тяжести на коже. Всё было как надо.

Закончив с работой, оборотень уселся на траву в ожидании варвара. Глаза неспешно скользили по лесной чаще и реке. Он сюда часто приходил после изгнания, чтобы плеск реки и пение птиц отгоняли плохие мысли. Наставник постоянно говорил, что вода — это источник всего живого. Говорил, что дождь — это хорошо. Небо питает землю, чтобы она дала новую зелёную жизнь. Старший научил любить воду. Он говорил, что можно выжить какое-то время без еды,

но вода нужна, чтобы сохранять в теле жизнь.

— Замечтался, ушастый? — прозвучал над обратным бодрый хриплый голос, заставляющий вернуться из размышлений.

— Я всё выжал и тебя ждал, — ответил Чжао, поднимаясь на ноги.

С рыжих волос и бороды варвара лениво стекали прозрачные капли реки, впитываясь в рубаху и оставляя тёмные следы. Риша взглянул на корзину и кивнул, оборотень сделал всё верно.

— Хватай тряпье и пошагаем домой. Нам ещё до колодца сходить надо! — говорил Риша, подбирая с травы черпак, где глухо застучало мыло с щёткой. Развернувшись, он направился в сторону аптеки через поле.

Чжао поднял увесистую корзину и пошёл следом. Деревня была ему незнакома, и мысль о чужих людях слегка тревожила. Но куда сильнее беспокоил лес, который остался за спиной. Из густой чащи словно кто-то смотрел на них. Оборотень встряхнулся, отгоняя эти чувства. Сейчас главное — дойти до дома.

Когда они зашли за забор к аптеке, Чжао наконец-то выдохнул и расслабился. Густой лес, из которого словно кто-то смотрел мёртвым взглядом, остался далеко за спиной. Воздух наполнился знакомыми запахами аптеки — лекарственных растений, догорающих угольков из печи и лаванды. Фа-

ши дома всё ещё не было.

Варвар с непривычной для него аккуратностью развесил влажную одежду и полотенца по забору. Лёгкий весенний ветер немного колыхал ткань, от которой тянуло запахами мыла и реки. Из-за высокого огорода Риша достал четыре крупных ведра, из которых два отдал Чжао со словами:

— Колодец недалеко, ушастый. На окраине аптеки. Быстро управимся, и можно наконец-то ноги вытянуть!

Они вышли из аптеки с передней двери. И направились по тропе в сторону деревни, откуда веяло печёным луком и старым деревом. Небольшие дома стояли поодаль, будто не хотели тревожить тишину вокруг аптеки. На низких ступеньках у некоторых домов сидели старики, приветствующие Ришу. Одна миловидная бабушка слабо помахала варвару сморщенной кривоватой рукой. Варвар спрашивал их о здоровье и не требуется ли им помощь. Старики отказались от физической помощи и попросили передать благодарность аптекарю за лекарства. Чжао с интересом наблюдал за этим. Значит, не только Фаша лечит других существ, но и Риша помогает чем может.

Колодец прятался в тени широкого молодого дуба. Вода в нём пахла холодом и мокрой землёй. У колодца стоял простой подъёмник: толстая верёвка наматывалась на бревно, а рычаг гнулся буквой «Г», будто кто-то согнул железный прут голыми руками. Ведро с громким плеском падало в воду. Риша без усилий тянул заполненное ведро вверх. Вода из

глубины оказалась ледяной — не как тёплая речная, словно сама земля дышала холодом. Пальцы в такой воде онемели сразу. Но в этом холоде чувствовалась чистота, будто смывалась не только пыль или грязь, но и остатки тревоги.

— А у деревни есть имя? — спросил Чжао, поднимая два тяжёлых ведра. Они оказались тяжелее, чем он думал. Вёдра тянули всё его тело к земле.

— Раньше это была Дубовка, тут дуба было много, — ответил Риша, с лёгкостью поднимая свои два ведра и направляясь по тропе к аптеке. — Сейчас деревьев стало меньше, городские всё повырубали.

Без слов они отправились обратно в аптеку. Чжао вдруг понял, что не задумывается о каждом своём шаге. Плечи больше не напряжены, будто с них сняли тяжёлый мешок. Ноги сами ведут его по тропе — домой. И даже тяжесть вёдер теперь не казалась бременем — это была правильная тяжесть. Тяжесть обычного дня, который они прожили вместе.

По возвращении в аптеку Чжао помог разлить воду по бочкам — на заднем дворе и на кухне возле печи. Тяжёлые струи глухо стучали по дереву. Риша привычно ворчал, что-бы оборотень не торопился и не разлил воду по полу.

Вытерев мокрые ладони об полотенце, Чжао поднялся в свою спальню. Из шкафа он забрал пергамент и письменные принадлежности, чтобы снова повторить буквы перед завтрашним уроком. Оборотень расположился за обеденным

столом на первом этаже. На чистом листе пергамента он снова и снова выводил свои первые буквы, смотря на пример своего нового наставника. Буквы получались кривыми, но смотрели в нужные стороны. Чжао не чувствовал досады из-за ошибок, теперь в нём было упорство. Убрав в сторону образец Фаши, оборотень попробовал на память написать буквы. Он их хорошо понимал и ощущал, поэтому даже без примера удалось их написать.

Риша тем временем устроился около камина, где привычно потрескивал костёр. Крупный человек развалился на стуле, вытянув перед собой скрещённые ноги. Книга в его руках казалась совсем маленькой. Иногда он облизывал большой палец и перелистывал страницы. Время от времени Риша поглядывал на оборотня, будто проверял — всё ли в порядке.

Постепенно день шёл к позднему вечеру и звуки вокруг затихали, кроме усердного скрипа пера. Риша шумно зевнул и захлопнул книжку. Человек пошёл спать на второй этаж, по пути посоветовав оборотню не задерживаться, иначе он снова до самого обеда продрыхнет. Над головой слышались громкие шаги и скрип кровати. Чжао остался на первом этаже один.

Скрип пера прервался. Чжао смотрел на переднюю дверь аптеки, вспоминая алхимика. Лёгкая сонливость ушла из глаз, уступая яркой вспышке любопытства: куда ночью ходит Фаши? Засыпая по ночам в своей кровати, Чжао слышит, как аптекарь работает в своей алхимической лаборатории,

растирая растения и что-то делая со склянками. После этого скрипит дверца высокого шкафа, шуршит тяжёлая мантия и тихонько закрывается входная дверь. Мысли переполнялись вопросами: когда эльф спит? И спит ли вообще? Он ночью уходит собирать травы? Или исцеляет существ? Чжао мотнул головой, пытаясь отбросить мысли, и спешно собрал пергамент, перо и чернила. Быстрыми шагами он дошёл до своей спальни, складывая вещи в шкаф. Присев на корточки возле двери комнаты, он ждал возвращения алхимика.

Распорядок ночной работы у эльфа не изменился. Оборотень слышал постукивания в глиняной чаше и звон стекла. Дом наполнялся запахами лекарственных растений. Бурлил какой-то раствор. Тихий плеск и глухие постукивания, словно эльф что-то перемешивал. Чжао тихо приоткрыл дверь и в полуприсяде дошёл до лестницы, внимательно вслушиваясь в звуки. Шуршание пергамента, скрип пера. Наполненные бутылки с приглушённым стуком ставились в шкаф. Постепенно этот шум прекратился, но запахи всё ещё витали в воздухе. Едва слышные лёгкие шаги. Скрип шкафа, шуршание мантии и тихий скрип двери. Фаша ушёл из аптеки.

Чжао тихонько спустился по лестнице и подошёл к двери, хватаясь за ручку. В груди дребезжало волнение. За всё время в аптеке он ни разу не уходил далеко один. И сейчас ноги сами стремятся покинуть территорию дома, чтобы проследить за эльфом. Оборотень переживал, что Фаша может

его заметить и разозлиться. Риша говорил, что алхимик не кричит, но взглядом сожрать способен. Но от этого лучше не стало. Что плохого в его любопытстве? Он посмотрит, как Фаша передаёт лекарства существам или собирает травы, и тут же уйдёт.

Оборотень сделал два глубоких вдоха. На третий выдох он повернул дверную ручку и вышел из аптеки. Вокруг была тишина. Он уже знал, что впереди — деревня со стариками и колодцем, но запах эльфа вёл в правую сторону. Вдалеке виднелись огни факелов и открытые ворота в город. Прикрыв за собой дверь, Чжао тихой поступью пошёл за запахом мокрого мха. Тропа ничем не отличалась от тропы в деревню, вдоль которой стояли редкие дома с тёмными окнами.

Запах Фаши привёл к открытым городским воротам. Чжао спрятался в пушистых кустах, чтобы всё как следует рассмотреть. По бокам ворот высились округлые каменные сооружения, на которых стояли странные одноглазые существа с увесистыми арбалетами. Чжао слышал от старшего, что циклопы — огромные и у них всего один глаз. Но эти существа гораздо меньше по размерам. На земле возле самих ворот никого не было. Внутреннее волнение сжимало горло, дыхание стало прерывистым и мышцы твердели в плечах и руках. Чжао попытался вылавливать носом только запах мокрого мха со смолой, вспоминая ночные постукивания глиняной чаши и лимонные ароматы. Дыхание постепенно стало ровным. Ком волнения пропал из горла.

Медленно выдохнув, Чжао вышел из кустов. В этот раз ветви кустарника не впивались в кожу. Он не знал, как правильно заходить в город. Поэтому Чжао принял решение передвигаться вблизи стены, чтобы не привлекать к себе внимания. Каменная стена наощупь оказалась шероховатой и холодной. Пахло пылью и терпким маслом.

Оборотень зашёл в открытые ворота города.

Городские существа не бросились на него с арбалетами. Никто не прогонял. Он всё ещё жив.

Глаза разбегались от разнообразия сооружений в Ормангарте. Широкая ухоженная дорога, усеянная ровными камнями, вела в круглый красивый центр. Вокруг центра высились широкие дома в несколько этажей. Во главе каменной ограды стоял ещё более крупный дом с тремя шпилями, тянущимися в небо, на которых развевались массивные красочные флаги. Из этой каменной площади доносилось гулкое ржание лошадей и чьи-то приглушённые голоса.

С левой стороны города исходило невероятное количество ярких запахов. Жареной и варёной еды со странной горечью, будто они готовились в старом масле или болотной воде, горячего пшена со сладкими ягодами, алкоголя, горячего металла, свежей кожи и меха различных животных. Выставленные в неуклюжие ряды столы пустовали. Каждый стол был украшен деревянными табличками с длинными надписями. Свет костра исходил из дальнего помещения, переполненного громкими голосами жителей и запахами скис-

шего алкоголя и едкого табака. Этот запах неприятным холодком прошёлся по позвоночнику. Возле помещения стояли различные существа, вдыхая в себя табачный дым и о чём-то переговаривались между собой.

С правой стороны было намного тише. Оттуда исходили похожие запахи, но более мягкие и приятные. Алкоголем и табаком пахло гораздо меньше. Небольшие каменные и деревянные дома плотно стояли рядом, а каменистые тропы уходили между ними лабиринтами.

Дома не были похожи на аптеку. Они были сделаны из более твёрдой и крепкой древесины. Каменные стены домов напоминали каменистый берег у реки, только эти камни были обездвижены в какой-то затвердевшей смоле. Дома казались неживыми. Словно в них не было тёплого камина, возле которого за столом собираются на вкусный ужин. В некоторых окнах ещё горел свет от огня и были слышны домашние разговоры городских жителей. Всё это время от времени перебивалось мяуканьем и лаем бездомных животных.

Обилие запахов кружило голову. Запах еды казался чужим и не вызывал аппетита, неприятно оседая горечью на языке. Чжао больше нравился запах еды из кухни в аптеке, где суетился огромный Риша. Но среди всего этого в воздухе витали непонятные нотки чего-то вязкого и несвежего, липкого и болотистого. Ночью всегда кажется всё страшнее, потому что воображение рисует в темноте пугающие картинки. Может, днём город кажется не таким грязным и страшным?

Чжао втягивал воздух в лёгкие, пытаясь уловить знакомый запах аптеки. Мокрый мох и смола повели его в тихую сторону жилых домов. Среди построек посторонних не было. Камни неприятно впивались в ноги, а земля оказалась влажной. Но эта влага не была похожа на свежесть одежды после стирки. Это была неприятная влажность кухонной тряпки.

Между лабиринтами домов прошла знакомая низкорослая фигура, окутанная мантией. Оборотень вцепился в фигуру взглядом, пытаясь не упустить из виду. Крадучись двинулся следом, передвигаясь в тених домов и прячась в небольших кустах.

Фаша передвигался непривычно быстро. Он словно тоже от чего-то прятался. Но в отличие от оборотня, он не озирался по сторонам. Эльф замедлился возле одного из деревянных домов, где бесшумно поднялся по небольшим ступеням и постучался в дверь. Чжао по темноте подкрался к дому, прижимаясь к боковой стене под окном, откуда краем глаза разглядел очертания лица эльфа.

На стук слышались спешные шаги, петли скрипнули. Оборотень услышал встревоженный женский шёпот:

— Мессир Аптекарь! Мы вас очень ждали! Дочери совсем плохо, с обеда кровью выворачивает и говорит, что у неё очень болит живот!

Фигура в мантии ответила:

— Позвольте взглянуть на вашу дочь, мэ.

— Конечно, Мессир Аптекарь! Заходите!

Дверь закрылась. Шаги женщины были громче шагов эльфа. Послышались шепотки, но разобрать слов не удалось.

Чжао повернулся к окну и заглянул в прозрачное стекло. Он пытался скрываться за прикрытыми шторами, как за ку-стами.

В комнате горел приглушённый свет от пары восковых свечей. Возле двери на кровати лежала молодая измученная болезнью девушка, закутанная в толстые одеяла. Под глазами залегли тёмные глубокие овраги, а в уголках губ собралась высохшая кровь. Она тяжело дышала через рот, что провоцировало приступы кашля с кровью. На полу стоял медный таз со струйками густой тёмной крови.

Оборотню стало жаль девушку. Она страдала от болезни, которая мучительно забирала её жизнь. Это напомнило историю Риши: гномы гнили заживо и об этом никто не знал. Из окна проскальзывали запахи знакомых лекарств, металлической крови и желчи желудка. Оборотня самого затошнило от всего этого, но он смог подавить в себе этот позыв.

Фаша о чём-то попросил женщину, и она с нервозностью пошла к окну. Чжао тут же пригнулся, вжимаясь как можно сильнее в стену. Что-то скрипнуло и шторы закрылись. Шаркающие шаги отдалились от окна. Оборотень вновь прильнул к окну и смог найти небольшую щель между тканями, через которую хорошо было видно сидящего на кровати Фашу рядом с больной девушкой.

Чжао услышал странный шёпот эльфа. Он говорил чуть громче, но закрытое окно не давало разобрать слова. Его ладони и пальцы окутались голубыми светящимися нитями. Женские руки быстро стянули с девушки одеяло, оголяя её болезненно исхудавшее тело. Во впалом животе зияли чёрные кровавые язвы. Фаша выставил ладони вперёд, плотно прижимая их к животу девушки. Нити плавно извивались от бледных рук аптекаря, впитываясь в тело девушки. Болезненная бледность постепенно уходила с женского тела. Язвы невероятным образом затянулись, не оставив даже шрамов.

Голубоватое свечение постепенно пропало. Комнату снова тускло осветили свечи.

Фаша убрал руки от девушки и какое-то время ещё сидел на кровати, будто переводил дыхание. Послышался глухой удар. Женщина упала на колени перед кроватью, судорожно трогая свою дочь, словно не верила своим глазам. Девушка тоже была изумлена, из её глаз текли слёзы. Женщина очень громко благодарила эльфа за спасение её единственной дочери.

Эльф поднялся с кровати, что-то принял от женщины и пропал из зазора в шторах.

Оборотень аккуратно выглянул из-за стены, ожидая появления эльфа. Дверь тихо закрипела. По лестнице спустился эльф. Послышался вновь шёпот женщины:

— Мои уста закрыты, Мессир Аптекарь. Спасибо вам! — после чего дверь закрылась.

Мысли путались от увиденного. Девушка была на грани смерти, а Фаша словно выгнал болезнь своими нитями из её тела. Может, он не выгонял болезнь, а забирал себе? Поэтому и задержался на кровати, переводя дыхание? Чжао ничего подобного никогда не видел.

Эльф быстрым шагом направился дальше по каменистой тропе. От него намного сильнее пахло мокрым мхом и смолой. Чжао всё время казалось, что от Фаши пахнет привычным лесом. Но этот запах был глубже. От эльфа пахло жизнью.

Следующим был каменный дом, откуда слабо исходил запах гнилой плоти. Эльфу открыл дверь совсем молодой и обеспокоенный парень. Глаза парня нервно бегали по улице. Они без слов скрылись за дверью.

В доме слышались едва различимые шуршания, шаги и шёпот. Снова отчётливое шептание Фаши. Дом погрузился в тишину на некоторое время.

Позже дверь приоткрылась. Эльф снова показался на глазах оборотня. Молодой парень вложил в бледную ладонь эльфа мешочек, внутри которого что-то звякнуло, и тихо произнёс:

— Наши уста закрыты, Фаша, — с этими словами дверь закрылась.

В небе раздался тонкий носовой крик орла. Крупная птица парила над тропами среди домов и во что-то хищно всматривалась. Эльф с некоторым беспокойством взглянул в небо,

глубже натягивая капюшон мантии на голову. Фаша резко ускорил шаг. Он петлял между домами. Чжао практически наступал ему на пятки, чтобы не потерять из виду.

Эльф зашёл в тупик между каменистыми домами и остановился возле странной двери, встроенной прямо в каменную дорогу. Бледные руки крепко ухватились за тонкий прут и потянули металлическую дверь на себя. Она с трудом поддавалась невысокому эльфу. Но Фаша всё же смог её открыть. Он переводил дыхание, опираясь о каменистую стену. В последний раз взглянув в ночное небо, аптекарь скрылся под землёй и закрыл за собой круглую дверь.

Чжао вышел из-за угла стены и проследовал за запахом смолы. Металлическая дверь выглядела странно и слегка пугала. Блеклая луна пробиралась в отверстия двери, освещая серый пол под землёй. Оттуда тошнотворно пахло, словно вот уже несколько дней там разлагались мясо и овощи. Очень хотелось развернуться и уйти обратно в аптеку. Отмыть руки и лицо мылом. Но интерес горел в груди сильнее.

С отвращением на лице оборотень тоже взялся за тонкий металлический прут и без лишних усилий открыл круглую дверь в земле. Чжао теперь понимал, почему Риша так рьяно ворчит на своего товарища-аптекаря.

Вниз вела старая прямая лестница. Чжао неспешно начал спускаться и с каждым шагом всё сильнее подступала тошнота. Гнилистый запах усиливался. Деревянная лестница ока-

залась отвратительно влажной и липкой. Повторяя движения эльфа, оборотень также подтянул на себя круглую дверь, тихо прикрывая её за собой.

Босые ноги встали на холодный и вязкий пол. От всего этого Чжао сгибалось пополам. Он зажал рот ладонями и зажмурился, подавляя подступающую рвоту. Глубокий вдох. Нос снова уловил яркий запах мокрого мха. Немного успокоившись, он выпрямился и неспешно пошёл по запаху Фаши.

Под ступнями ощущались неровные поверхности. Порой ноги неприятно скользили, как по илу на дне воды. Чжао мысленно выругался: «Сейчас бы обувь, чтобы не чувствовать эту липкую грязь». Время от времени вонь неприятно била в нос. По углам шуршали и бегали толстые крысы и тараканы. Чжао пытался не обращать на это внимания, следуя только за запахом смолы. Чем-то это напоминало медвежью пещеру, но у неё не было конца. Вдоль дороги булькали зловонные воды, а по серым стенам расплзлась зелёная и чёрная плесень. Луна блекло освещала подземную пещеру через круглые двери на потолке. Чжао хорошо видел в темноте, и это одна из сильных сторон волков.

Чжао пытался идти тихо, но липкая поверхность пола выдавала его. Он несколько раз сворачивал по вонючей пещере, пока на одном из поворотов не увидел знакомую фигуру в мантии. Фаши шёл гораздо медленнее, чем в городе. Оборотень пытался ступать ещё тише, делая каждый шаг не на

пятку, а на носок. Под землёй спрятаться некуда. Тут нет кустов или запутанных троп, как между домами. Если его заметят — бежать будет некуда.

Какое-то время он тихо следовал за Фашей. Но эльф остановился и обернулся в его сторону.

— Будешь так идти за мной до самого дома? — прозвучал мягкий голос.

Чжао остановился. Сердце гулко застучало в страхе. Он мог бы прыгнуть в вонючую воду и скрыться под ней. Но лучше по-хорошему сдаться эльфу. Виногато опустив голову, Чжао неспешно подошёл к Фаше. В его лице не было зла. Серо-голубые глаза аптекаря с интересом наблюдали за ним.

Слова застряли в горле. Оборотень ощутил укол стыда в груди за свою слезку. Он уже принят в стаю и мог бы напрямую спросить о том, что аптекарь делает ночью. Сделав глубокий вдох, Чжао сказал:

— Мне было интересно, куда ты уходишь ночью.

— Что ты увидел? — спрашивал эльф, сцепляя свои тонкие пальцы перед собой.

— Как твои руки светились. И ты забрал болезнь у девушки, — Чжао заговорил шёпотом, словно увидел то, чего видеть не должен был.

В воздухе повисло молчание. Чжао вспомнил легенду о Богине Тай-Я, рассказанную наставником, — большой белой волчице, которая пришла на землю с Полярной Звезды. Поэтому волчица светится звёздной пылью и всё вокруг неё

замолкает. Взглянув на руки эльфа, оборотень вспомнил их свечение в полумраке. Как после шёпота Фаши дом погрузился в тишину.

Брови Чжао поползли вверх. Он заглянул в лицо эльфа и ещё более тихим шёпотом спросил:

— Ты... Бог?

На уставшем лице эльфа дрогнула едва заметная улыбка.

— Нет, Чжао, я не Бог, — ответил эльф.

Неспешно развернувшись, эльф пошёл дальше по зловонной пещере. Чжао, уже не обращая внимания на запахи и липкий пол, шёл рядом с Фашей.

Чжао то и дело отрывал взгляд от пола и вглядывался в низкорослого аптекаря. Кто он, если не Бог? Его руки тоже светились! На глазах оборотня девушка неожиданно перестала болеть.

Оборотень вспомнил, как перед ним села небольшая фигура. Как её руки остановили кровь и затянули раны на его едва живом теле. Именно своими светящимися нитями Фаша исцелил оборотня.

Они постоянно сворачивали по зловонной пещере. Дорога под землёй оказалась более запутанной, чем между жилыми домами в городе. Чжао уже не понимал, где именно они находятся. Но Фаша шёл уверенно, словно давно знал эти пути.

Тонкая рука коснулась локтя Чжао, отчего он слегка вздрогнул.

— То, что ты увидел, должно остаться в тайне, Чжао, — звучал голос эльфа. — Я маг, а на землях Ормангарта пользоваться магией запрещено.

— Запрещено? Ты же помог больным существам, зачем это запрещать? — Чжао очень удивился.

— Несколько десятков лет назад на землях Ормангарта была война, в которой много кто потерял жизнь. Убийцами были маги, что владеют Проклятой Магией.

— Проклятая Магия не похожа на твою?

— Да, не похожа. Проклятая Магия может забирать жизнь в одно касание или брать её под контроль.

Чжао не совсем понимал, как именно это работает. Но это вызвало беспокойство. Значит, на свете существуют маги, похожие на Фашу, только из их рук выходит другое свечение? Проклятая Магия сильнее магии аптекаря? От ответов Фаши вопросов в голове становилось только больше. Убийство в одно касание звучало зловеще. Это объясняло, почему магию на этой земле запретили.

— А если кто-то узнает, что ты маг? — аккуратно спросил Чжао, сжимая кулаки.

— Если об этом узнает стража — меня могут лишить языка или убить, — Фаша отвечал на удивление спокойно, словно не боялся этого.

Но он просил никому об этом не рассказывать. Эту тайну Чжао сохранит, чтобы обезопасить аптекаря.

— Ты лечил других существ. Они тоже никому не расска-

жут, что ты маг?

— Да. Их уста закрыты о моей магии.

В висках стучало. В голове всё путалось: магия, запреты, чужие тайны — всё это давило. Будто на плечи положили тяжёлый мешок.

Его охватывала прохладная грусть: эльф вынужден скрываться от запретов в городе и рискует потерять жизнь за то, что спасает другие жизни. Это звучало нелепо и ощущалось, как тупик со зловонной металлической дверью. Чжао мотнул головой, отгоняя плохие картинки и мысли.

Глянув себе под ноги, оборотень заметил, что пропала липкая грязь. Они шли по сухой дороге. И зловоние стало не таким резким.

— А что это за место? — спросил оборотень, осматривая подземную пещеру. Влажность всё ещё висела в воздухе.

— Канализация. Сюда выбрасывают отходы, — ответил эльф, смотря вперёд.

Чжао немного передёрнуло от названия. Удивляло то, что даже у этого вонючего места есть своё имя.

— Почему надо возвращаться домой именно по этому месту?

Чжао хотелось не просто отмыть руки мылом, а полностью окатить себя мыльной пеной и растереть всю кожу щёткой.

— Магия умеет оставлять ненадолго след, который видят орлы. Поэтому после использования магии я возвращаюсь в

аптеку через Орманские Нити.

— Орманские... Нити? — от этих слов оборотень вспомнил большие паучьи паутины.

— Общество воров под землёй. Они разрешили мне тут свободно передвигаться.

Весь этот новый мир казался сложным в голове оборотня. Он мог бы испугаться и сбежать обратно в дикий лес, где всё намного проще. Но что-то словно тянуло его наверх, заставляя расправить плечи. Страх не ушёл. Он всё ещё был внутри. Но теперь Чжао понимал, что от него можно не убегать. В груди зародилось пламя любопытства. Чжао хотел знать, что скрывается за всеми этими тайнами.